

Йоэл Хаутакорпи

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ В РОССИЙСКИХ ГАЗЕТАХ

АННОТАЦИЯ

Хаутакорпи, Йоэл : Репрезентация языковой политики Латвии и Эстонии в российских газетах
Магистерская работа
Университет Тампере
Магистерская программа по языкам : русский язык
Апрель 2020

Язык является одной из самых важных частей национального строительства Латвии и Эстонии с тех пор, когда оба государства впервые обрели свою государственную независимость в 1918 году. Во время ранней независимости позиции латышского и эстонского были закреплены в конституциях двух стран. Государственные органы перешли на данные языки, и на них стали осуществляться другие важные функции общества.

Присоединение Латвии и Эстонии к СССР с окончанием Второй мировой войны прекратило процесс национального строительства в обеих странах. Начала укрепляться позиция русского языка. Данное явление было вызвано, в первую очередь, языковой и демографической политикой СССР. На протяжении десятилетий постоянный приток иммигрантов из других советских республик привел к созданию многочисленных русскоговорящих национальных меньшинств в обеих странах. От латышей и эстонцев требовали двуязычность, поскольку русский был де-факто доминирующим языком в СССР. Одновременно русскоговорящих иммигрантов не обязывали усваивать латышский или эстонский язык. Намеренная асимметричность советской языковой политики содействовала разделению обществ Латвии и Эстонии на представителей титулярной нации и русскоговорящих приезжих.

Данное разделение населения остается очевидным и в нынешних Латвии и Эстонии. Языковые вопросы считаются ключевыми в обеспечении латвийской и эстонской государственностей и идентичностей титулярных наций. Горячая общественная дискуссия продолжает вестись, например, вокруг языка обучения в латвийских и эстонских школах и гимназиях. Болезненной темой являются и так называемые неграждане, то есть жители Латвии и Эстонии без гражданства какого-либо государства. Преимущественно данная группа населения состоит из русскоговорящих людей, не получивших гражданства после возобновления государственной независимости Латвией и Эстонией.

Настоящая магистерская работа рассматривает репрезентацию языковой политики Латвии и Эстонии в российском массмедийном пространстве путем анализа статей, опубликованных в крупных российских газетах «Российская газета» и «Известия» на протяжении 2004-2017 годов. Материал состоит из 52 статей, из которых 36 опубликовано в «Российской газете», 16 – в «Известиях». Научно-теоретическим обеспечением дипломной работы послужили теории о языковой политике, а также риторический анализ. Теории языковой политики базировались на понятии «языковых прав человека» финского лингвиста Тове Скутнабб-Кангас, а также теории российского лингвиста В. М. Алпатова. В число ключевых источников в сфере риторики входят работы бельгийского ученого Хаима Перельмана и финского эксперта по риторике и дискурс-анализу Арьи Йокинен. Риторический анализ осуществлен путем отыскания и анализа конкретных риторических средств, примененных в статьях газет.

Анализ эмпирического материала показывает, что «Российская газета» и «Известия» применяют многочисленные риторические средства, освещая читателям языковую политику Латвии и Эстонии. Главным свойством, объединяющим статьи обеих газет, оказывается их одностороннее изображение и, как правило, отрицательное отношение к языковой политике, проводимой в рассматриваемых странах. Данная тенденция воплощается в осуждении позиций латвийских и эстонских властей в отношении в первую очередь притеснений русскоязычных жителей и только затем ущемлений русского языка. Таким образом, статьи переводят вопросы языковой политики в политико-идеологическую плоскость, настаивая на том, что русскоговорящие жители не являются равноправными членами общества наряду с латышами и эстонцами. Статьи ссылаются на «языковые права человека» и ущемление их для русскоговорящих меньшинств Латвии и Эстонии. Один из ключевых аргументов – противоречие между высоким количеством русскоязычных жителей и признание русского языка не как второго государственного, а всего лишь как иностранного.

Ключевые слова: языковая политика, «новая риторика», российские газеты, русское зарубежье, Прибалтика

Оригинальность исследования проверена с помощью программы Turnitin OriginalityCheck.

TIIVISTELMÄ

Joel Hautakorpi : Representatsija jazykovoi politiki Latvii i Estonii v rossijskih gazetah / Latvian ja Viron kielipolitiikan representaatio venäläisissä sanomalehdissä
Pro gradu -tutkielma
Tampereen yliopisto
Kielten tutkinto-ohjelma, venäjän opintosuunta
Huhtikuu 2020

Kieli on ollut yksi tärkeimmistä kansankunnan rakennusaineuksista Virossa ja Latviassa siitä lähtien, kun nämä maat ensimmäistä kertaa saavuttivat valtiollisen itsenäisyytensä vuonna 1918. Viron kielen ja Latvian kielen asema turvattiin itsenäisyyden alkuaikoina maiden perustuslaeissa. Valtion elimet ja muut tärkeät yhteiskunnan toiminnot järjestettiin näillä kielillä.

Toisen maailmansodan päätyttyä Viro ja Latvia liitettiin osaksi Neuvostoliittoa, mikä keskeytti kansakuntien rakennusprosessin. Venäjän kielen asema alkoi vahvistua. Tätä kehitystä edesauttoi eritoten Neuvostoliiton harjoittama kieli- ja väestöpolitiikka. Muista Neuvostoliiton osista vilkkaana jatkuneen muuttoliikkeen seurauksena muodostui vuosikymmenten kuluessa sekä Viroon että Latviaan merkittävä venäjänkielinen vähemmistö. Virolaisilta ja latvialaisilta vaadittiin venäjän kielen hallintaa, koska venäjä oli tosiasiallisesti Neuvostoliiton valtiokieli. Samalla venäjänkielisiä maahanmuuttajia ei kuitenkaan veloitettu osaamaan viron tai latvian kieltä. Neuvostopolitiikan tarkoituksellinen epätasapainoisuus vaikuttikin siihen, että Viron ja Latvian yhteiskunnat jakautuivat yhä enenevässä määrin paikallisia kansallisuuksia edustaviin asukkaisiin ja venäjänkielisiin tulokkaisiin.

Väestön jakautuminen toisistaan eriytyneisiin ryhmiin on nähtävissä Virossa ja Latviassa myös tänä päivänä. Kielikysymyksiä pidetään edelleen ensiarvoisen tärkeinä maiden itsenäisyyden ja kansallisen identiteetin turvaamisen kannalta. Kiivas yhteiskunnallinen keskustelu on jatkunut esimerkiksi sen ympärillä, pitääkö koulussa tai lukiossa saada opetusta myös venäjän kielellä. Vaikea aihe ovat myös asukkaat, joilla ei ole minkään valtion kansalaisuutta. Tämä väestöryhmä muodostuu pääasiassa venäjänkielisistä asukkaista, jotka Viron ja Latvian uudelleenitsenäistymisen jälkeen eivät saaneet kansalaisuutta.

Tämä pro gradu -tutkielma käsittelee Viron ja Latvian kielipolitiikan representaatiota sanomalehtiartikkeleissa, jotka on julkaistu vuosina 2004-2017 laajalevikkisissä venäläisissä sanomalehdissä Izvestija ja Rossijskaja gazeta. Analysoitavasta 52 artikkelista 36 on julkaistu Rossijskaja gazetassa ja 16 Izvestijassa. Analysoin artikkeleita kielipolitiikan teorioiden näkökulmasta sekä retorisen analyysin keinoin. Kielipoliittisen tutkimuksen teorioihin lukeutuvat muun muassa Tove Skutnabb-Kankaan näkemys kielellisistä ihmisoikeuksista sekä venäläisen Vladimir Alpatovin kirjoitukset kielipolitiikasta. Retorista analyysia hyödynnän sanomalehtien käyttämien konkreettisten retoristen keinojen löytämiseksi. Retoriikan osalta tutkielma tukeutuu varsinkin Arja Jokisen ja belgialaisen Chaïm Perelmanin ajatuksiin.

Analyysi paljastaa, että sanomalehdet Rossijskaja gazeta ja Izvestija hyödyntävät Viron ja Latvian kielipolitiikkaa käsittelevissä artikkeleissaan lukuisia erilaisia retorisia keinoja. Lehtien artikkeleita yhdistäväksi tärkeimmäksi piirteeksi osoittautuu niiden kriittinen suhtautuminen Viron ja Latvian kielipolitiikkaan. Tämä ilmenee venäjänkielisten asukkaiden ja venäjän kielen heikon aseman laajana tuomitsemisena. Lehdet korostavat, että venäjänkielinen väestö ei ole tasa-arvoisessa asemassa virolaisten ja latvialaisten kanssa. Ne myös esittävät, että Viron ja Latvian venäläisvähemmistöjen kielelliset ihmisoikeudet eivät toteudu. Merkittävä osa artikkeleiden argumentoinnista perustuu ristiriitaan venäjänkielisen väestön suuren määrän ja venäjän kielen tunnustamattoman aseman välillä.

Avainsanat: kielipolitiikka, uusi retoriikka, venäläiset sanomalehdet, venäläisväestö Venäjän ulkopuolella, Baltia

Tämän julkaisun alkuperäisyys on tarkastettu Turnitin OriginalityCheck -ohjelmalla.

Содержание

Введение	1
1. История вопроса	4
1.1. Эстония и «плотная» языковая политика	4
1.2. Латвия – сходства с канадским Квебеком	6
1.3. Литва – от советского языка до либерализации	7
1.4. Белорусский и украинский подходы к русскому языку	9
1.5. Языковая политика и русский язык в среднеазиатских республиках	11
2. Языковая политика	13
2.1. Потребности в языковой политике и типы языков меньшинств	14
2.2. Критическая теория в исследовании языковой политики	16
2.3. Языковые права человека	17
3. Риторика	20
3.1. «Новая риторика» по Перельману	20
3.1.1. Фундаменты аргументации и типы аудитории	21
3.1.2. Типы аргументов	22
3.2. Дискурс-анализ и риторический анализ	23
3.2.1. Риторические средства, направленные на автора	24
3.2.2. Риторические средства, направленные на аргумент	26
3.2.3. Другие риторические средства	28
4. Риторический анализ статей о языковой политике Латвии и Эстонии в российских газетах	29
4.1. «Российская газета»	29
4.1.1. Языковая политика Латвии в статьях «Российской газеты»	30
4.1.1.1. Языковая политика по «РГ» – вытеснение русского из латвийского общества	31
4.1.1.2. Риторический подход «РГ» к Латвии: изображение «антироссийской истерии»	35
4.1.2. Проявления языковой политики Эстонии в «Российской газете»	39
4.1.2.1. Представляемые «Российской газетой» результаты эстонской языковой политики	40

4.1.2.2. Риторика статей по Эстонии: кому защищать русский и русских?	44
4.2. «Известия»	49
4.2.1. Изображение языковой политики Латвии в статьях «Известий»	49
4.2.1.1. Проблематичная языковая политика: как сохранить русский язык в Латвии?	50
4.2.1.2. Риторика по латвийской языковой политике: а вы «за» или «против» русского языка?	52
4.2.2. Языковая политика Эстонии в статьях газеты «Известия»	56
4.2.2.1. «Известия» об эстонской языковой политике: политика двойного общества	57
4.2.2.2. Российская риторика «Известий» в отношении языковой политики Эстонии	59
Заключение	61
Библиография	64

Введение

Данная работа посвящена исследованию репрезентации языковой политики современных Латвии и Эстонии в статьях крупных российских газет «*Российская газета*» и «*Известия*». Основные **исследовательские вопросы** нашего анализа: как изображается языковая политика современных Латвии и Эстонии в статьях российских газет? какими риторическими средствами производится репрезентация языковой политики в этих статьях? какова эта репрезентация?

Задачей работы являются риторический анализ материала и анализ на уровне теории языковой политики. Для проведения анализа мы ознакомимся с разными теориями языковой политики, включая, в том числе, идеи В. М. Алпатова о потребностях в языковой политике (Алпатов 2013) и теорию о языковых правах человека Тове Скутнабб-Кангас (Skutnabb-Kangas 1995). Кроме того, мы сделаем обзор прежних исследований, касающихся языковой политики как в прибалтийских странах, так и в других частях бывшего СССР.

Главным **методом** нашего исследования является риторический анализ, основанный на идеях нескольких исследователей. В качестве инструмента риторического анализа, в свою очередь, мы применяем методы, предложенные несколькими учеными. В их число входят, к примеру, Хаим Перельман, автор понятий универсальной и особой аудиторий (Perelman, 2007), и Арья Йокинен, в чьих работах представляются конкретные риторические средства в текстах и комментируются теории анализа дискурса (Jokinen et al. 2016).

Выбор газет «*Российская газета*» и «*Известия*» в качестве источников анализируемых статей основан на двух основных факторах. Во-первых, выясняя численность опубликованных статей на тему языковой политики в Латвии и Эстонии, мы обнаружили, что среди крупных российских газет эти темы освещены значительно чаще других именно в этих двух газетах. Во-вторых, выбранные газеты являются одними из самых крупных в России, имеющими доступ к читателям всей страны. Однако их риторика, касающаяся языковой политики в Латвии и Эстонии, раньше не исследовалась.

Для понимания фона нашего предмета исследования необходимо ознакомиться с языковой историей последнего столетия Латвии и Эстонии. Обретя суверенитет в 1918 году, Латвия и Эстония упорно занимались национальным строительством в период между мировыми войнами. Этот процесс был прекращен принудительным присоединением двух стран к СССР и началом Второй мировой войны. После войны начался почти полувековой советский период, оказавший огромное влияние на развитие прибалтийских государств.

Ключевой частью национального строительства и идентичности в двух странах в начале 20-го века являлись их национальные языки: латышский и эстонский. Славянские названия мест были заменены латинизированными вариантами и для лиц, не владеющих национальным языком, были устроены языковые тесты. Вооруженные силы, почтовые службы и железнодорожные системы функционировали на национальном языке. Большой частью парламенты и судебные системы перешли на латышский и эстонский. (Hogan-Brun et al. 2009: 32.)

Язык был важным вопросом и в Советских Латвии и Эстонии. Хотя использование латышского и эстонского языков никогда не запрещали, их позиции были ослаблены из-за продвижения и укрепления позиции русского и целенаправленного постоянного притока русскоговорящих иммигрантов из других частей СССР. Многие города были переименованы. На них возложили новые военные и производственные задачи, создающие спрос на рабочую силу и военных извне Латвии и Эстонии. Возглавляющие политические системы коммунистические партии двух стран работали исключительно на русском языке. Русский стал обязательным предметом в обучении начиная с дошкольного возраста. От латышей и эстонцев начали требовать двуязычность. (Hogan-Brun et al. 2009: 38-43.)

Население в обеих странах намеревались объединить на основе русскоязычности. Хоган-Брун и другие утверждают, что реализация советской языковой политики была осуществлена в три этапа. Во-первых, советские власти стремились к созданию новой русскоязычной среды внутри общества в целях предотвращения адаптации иммигрантов к национальным языкам. Во-вторых, различные функции общества должны были перейти на русский язык. В-третьих, создался ряд идеологических стимулов для использования русского вместо национальных языков. (Hogan-Brun et al. 2009: 43.)

Языковая политика Латвии и Эстонии, вновь получивших независимость в начале 1990-х годов, заключалась в отмене политического, демографического и социального наследия советского периода. (Hogan-Brun et al. 2009: 3.) В результате нескольких десятилетий советской политики в Латвии и Эстонии проживали сотни тысяч русскоговорящих людей, из которых многие де-факто не владели латышским или эстонским языками. Это повлияло на появление проблемы так называемых неграждан, то есть жителей страны без гражданства какого-нибудь государства. Введенные языковые тесты и другие конкретные проявления новой языковой политики стали одними из главных трудностей для этих лиц на пути к полному членству в обществе. Теперь русский язык, являвшийся доминирующим на протяжении последних десятилетий, рассматривали как иностранный язык. (Hogan-Brun et al. 2009: 56-57.)

Опираясь на вышеупомянутые исторические факторы, мы можем утверждать без всякого преувеличения, что язык занимает особо важную позицию в развитии национальной идентичности и государственности в Латвии и Эстонии уже больше сотни лет. Исходя из такого предположения, мы выбрали из российских газет статьи, изображающие современную языковую политику двух стран. Насколько нам известно, статьи на эту тему не анализировались раньше.

Российское происхождение статей интересует нас и потому, что в последние годы Россия неоднократно выражала озабоченность позицией и благополучием русскоговорящих меньшинств Латвии и Эстонии. С присоединением Крымского полуострова к России в 2014-м году, в Латвии и Эстонии начали обсуждать вопросы о том, насколько возможны аналогичные события в восточных частях двух стран, имеющих особо высокие концентрации русскоговорящих жителей и насколько высказывания России связаны с возможностью такого поворота событий. В этом мы видим **актуальность** и **новизну** нашего дипломного исследования.

Мы выбрали для анализа статьи, касающиеся языковой политики в двух прибалтийских республиках: в Латвии и Эстонии. Данный выбор оправдан тем фактом, что недавние истории этих стран весьма похожи друг на друга. Национальное строительство в межвоенный период, принудительное присоединение к СССР, масштабные иммиграционные потоки из других частей СССР и их влияние на язык и национальный состав, стремление к новой независимости во время перестройки – это целый ряд факторов, объединивших Латвию и Эстонию. Развитие Литвы во многом отличается от этих двух республик. Мы сделаем краткий обзор истории языковой политики Литвы в первой части данной работы.

Данная работа содержит пять частей. Первая часть суммирует прежние исследования языковой политики Латвии и Эстонии, но и некоторых других бывших союзных республик СССР. Во второй части мы сделаем обзор языковой политики как предмета исследования и покажем разные подходы к ней. Третья часть посвящена риторике и риторическим средствам, ключевым для анализа. Четвертая часть представляет собой проведенный нами анализ, и в заключении мы подводим итоги анализа и намечаем перспективы дальнейших исследований.

1. История вопроса

Языковая политика Латвии и Эстонии, представленная в российских газетах, не исследовалась раньше. Однако проблемы русскоговорящих национальных меньшинств, оказавшихся вне территории Российской Федерации после распада СССР, стали предметами многочисленных работ. Разные формы языковой политики, проведенные и проводимые в бывших советских республиках, исследовались уже неоднократно.

Проявления советской языковой политики бывали разными в разных частях СССР. Однако двумя целями, объединившими разные союзные республики, можно назвать русский язык, явившийся де-факто самым важным языком СССР и языком международной коммуникации, а также так называемый советский язык, содержащий множество новых слов и терминов социалистического общества. Практически русский язык стал вторым языком всех советских граждан, не являвшихся его коренными (этническими) носителями. Новый социалистический словарный запас, в свою очередь, приучал граждан к новому советскому языку.

В данной главе мы представим некоторые статьи и исследования языковой политики, проведенной на территории СССР после его распада. В число исследуемых стран входят Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Украина, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан.

1.1. Эстония и «плотная» языковая политика

Языковая политика Эстонии стала привлекательным предметом исследования с возобновлением независимости страны в начале 1990-х годов. Многие эстонцы ожидали, что с распадом СССР русскоговорящие граждане, приехавшие в страну в советский период, вернуться на свою родину. Многие из них действительно покинули Эстонию, но большинство остались. Появились так называемые неграждане, то есть люди, проживающие в Эстонии без гражданства какого-нибудь государства. Возникла и проблема двойного общества, разделенного на эстонцев и русскоговорящих.

Про языковую политику независимой Эстонии писали многие ученые. Эстонский доктор философии Маарья Сиинер анализирует языковую политику Эстонии с социолингвистической точки зрения в статье *Planning Language Practice: A Sociolinguistic Analysis of Language Policy in Post-communist Estonia* (2006 г.). Сиинер называет эстонскую

языковую политику «плотной» (англ. *thick*, перевод наш – Й. Х.) и «точной», поскольку она направлена на регулирование и изменение языковых практик в желательную для доминирующей идеологии сторону. Под термином «плотная» понимается языковая политика, которая вновь и вновь демонстрируется в разных законах и постановлениях. Для проведения плотной языковой политики действуют многие государственные учреждения. (Siiner 2005: 163-164.)

Сиинер считает, что «плотность» эстонской языковой политики связана с попыткой новой национальной элиты Эстонии решить проблему лингвистической ситуации, вызванной советской оккупацией страны. (Siiner, 2005: 165) К 1980-ым годам часть населения, говорившая лишь на русском языке, стала такой большой, что закон 1989-го года, объявивший эстонский единственным официальным языком страны, оказался естественной реакцией на ситуацию. (Siiner 2005: 165.) Этот закон можно считать исходным моментом «плотной» языковой политики, стремящейся к языковому регулированию в условиях разнообразных языковых практик и идеологий эстонских и русскоговорящих жителей страны.

В своем анализе Сиинер ссылается к Скутнабб-Кангас (1995 г.), считая, что у национального государства есть желание сохранить определенные языковые нормы, действующие основой национальной культуры и идентичности. Поэтому речь идет о лингвистической дискриминации, не позволяющей представителям национальных меньшинств осуществлять все языковые права человека. В случае Эстонии главной целью с точки зрения национального строительства было установление эстонского языка как родного для эстонцев и второго языка для лиц, не говорящих по-эстонски. (Siiner 2005: 173.)

Сиинер обращает внимание и на очевидную противоречивость эстонской языковой политики в государственной программе «Интеграция в эстонском социуме 2000-2007 гг.» (*Integration in the Estonian Society 2000-2007*, перевод наш – Й. Х.). Сиинер задается вопросами: как эстонцы и эстонский язык могут остаться незатронутыми без влияния русской культуры и русских практик, если 300 тысяч русскоговорящих людей удачно интегрируются в эстонский социум? как русскоговорящие будут усваивать эстонский язык и образ жизни в общественных форумах, не теряя свой родной язык и чувство этнической и культурной принадлежности к русскому миру? Она напоминает, что после превращения Эстонии из тоталитарной системы в демократию в начале 1990-х годов можно предполагать какое-либо облегчение строгой языковой политики. (Siiner 2005: 174-175.)

Для решения языковых проблем Эстонии Сиинер предлагает более открытое и либеральное отношение к языковой педагогике. Она высказывает пожелание, чтобы

русскоговорящие могли идентифицироваться положительно со своим родным языком и что эстонцы могли бы уважать такую идентификацию. (Siiner 2005: 181.)

О языковой политике Эстонии и других стран Прибалтики дается обзор и в монографии «Языковая политика и практики в странах Прибалтики» (Hogan-Brun et al. 2009) (*Language Politics and Practices in the Baltic States*, перевод наш – Й.Х.).

Эстонский доктор философии Валерия Якобсон, в свою очередь, изучает роль русскоязычных газет в интеграции русскоговорящих граждан в эстонский социум в своей диссертации «Роль эстонских русскоязычных СМИ в интеграции русскоговорящего меньшинства к эстонскому социуму» (2002 г.) (*Role of the Estonian Russian-language Media in the Integration of the Russian-speaking Minority into Estonian Society*, перевод наш – Й. Х.). По ее наблюдениям, центральные русскоязычные газеты Эстонии на рубеже 1990 и 2000 годов не заняли какую-нибудь четкую политическую позицию о роли русскоговорящего меньшинства в отношениях между Эстонией и Россией. В политическом плане данные газеты не идентифицировали себя ни с Российской Федерацией, ни с Эстонией и эстонцами. (Jakobson 2002: 51.)

1.2. Латвия — сходства с канадским Квебеком

Ситуация в Латвии в последние годы существования СССР во многом похожа на Эстонию. В стране проживало огромное количество русскоговорящих людей, только часть которых покинула ее с распадом Советского союза. Проблемы независимой Эстонии в значительной степени возникли и в Латвии. Неграждане, языковые законы и прочие меры укрепления позиции нового единственного официального языка страны являлись актуальными политическими вопросами.

Языковая политика и межэтническая напряженность являются одной из тем статьи *Language Policy and Ethnic Tensions in Quebec and Latvia* (2004 г.), написанной Карол Шмид с коллегами. В статье ситуация в Латвии сопоставляется с опытом канадской провинции Квебек, в которой официальным языком является французский. В Квебеке франкоговорящих волновало то, что англоязычные школы притягивали иммигрантов гораздо больше французских. В Советской Латвии была зафиксирована аналогичная тенденция с популярностью русскоязычных школ. И квебекцы, и латыши опасались, что постепенно они стали бы этническими меньшинствами на родине. Со временем данные проблемы привели к

разработке и принятию языковых законов как в Квебеке, так и в Латвии. (Schmid et al. 2004: 231-232.)

Далее, авторы статьи уделяют внимание сходствам латышской и квебекской языковых политик, ссылаясь на языковые законы Латвии 1989, 1992 и 1999 годов. В обоих случаях политические деятели стремились к укреплению титулярного языка посредством схожих законов: содержание коммерческих и других плакатов в публичном пространстве надо было представить либо на французском, либо на латышском языке. Использование иностранного языка, статус которого русский язык получил в независимой Латвии, в плакатах или афишах регулировалось детально. В основном образование граждан начало осуществляться на латышском языке. В органах власти латышский стал единственным официальным языком, и за реализацией закона наблюдал особый государственный орган, предназначенный именно для этой цели. (Schmid et al. 2004: 238-240.)

Как в Эстонии, так и в Латвии языковые законы и стремления укреплять позицию титулярного языка сталкивались с проблемами соблюдения норм международного права и взглядов наднациональных институций. К примеру, в статье упоминается языковой законопроект 1999 года, который новый президент Вайра Вике-Фрейберга отклонила под давлением ЕС и ОБСЕ, призывая депутатов не вмешиваться в гражданские свободы населения. (Schmid et al. 2004: 243-244.) Латвия хотела присоединиться к ЕС, и это конкретно повлияло на языковую политику, проводимую в стране.

Авторы статьи утверждают, что даже если все больше русскоговорящих получают образование на латышском языке, все проблемы еще не решены. Одной из нерешенных в момент выхода статьи проблем называется проблема русскоговорящих неграждан, что может затруднять интеграцию в латышское общество. Истории Латвии и Квебека показывают тонкую грань между общественными лингвистическими правами и правами личности. (там же: 247-249.)

1.3. Литва — от советского языка до либерализации

Концентрация русскоязычного населения в Литовской ССР всегда была меньше, чем в Латвии и Эстонии. Поэтому языковые обстоятельства и отношения коренного населения с иммигрантами отличались от других прибалтийских республик. Более того, этнический состав Литвы, особенно, в столичном регионе страны, и так являлся более разнородным.

Доцент литовского Университета Витовта Великого Раса Балочкайте исследует литовскую языковую политику в статье *On Ideology, Language, and Identity: Language Politics in the Soviet and Post-Soviet Lithuania* (2013 г.). Она детально представляет идею «хорошего и грамотного» языка (англ. *good, proper language*, перевод наш – Й.Х.) и его роль в разные периоды истории Литвы. (Baločkaitė 2013: 41.) Балочкайте делает особый акцент на мерах, направленных на регулирование языка.

Литву присоединили к СССР после окончания Второй мировой войны. В начале советского периода новые власти осознали, что де-факто в аграрной Литве не существовало пролетариата. Впоследствии в республике начали осуществлять ряд программ, в том числе индустриализацию, урбанизацию и развитие образования. (Baločkaitė 2013: 45.)

Язык нового литовского пролетариата стремились контролировать советской языковой политикой. Начиная с 1960 годов, большую часть внимания уделяли введению нового социалистического словарного запаса. Балочкайте описывает новую тенденцию:

После смятения Второй мировой войны, в 1961 году создана Государственная комиссия по литовскому языку. Языковая политика 1960 годов была сконцентрирована на введении нового социалистического словаря как в отношении наименования новых социалистических реалий (социальных, экономических и политических), так и новой социалистической субъектности (к примеру, социалистической нравственности и трудовой этики). Лингвисты направили свои силы на развитие грамотных лингвистических компетенций населения, научив их, как говорить по-советски. (Baločkaitė 2013: 45, перевод наш – Й.Х.)

Далее в советский период власти переориентировали меры языковой политики. Правильности языка в сферах публичной жизни начали уделять больше внимания. Культурность и использование грамотного языка считали одними из ключевых свойств советских граждан. Влияние русского языка на литовский представляли обогащающим. Однако ко второй половине 1980 годов и началу более свободного периода лингвисты осуждали влияние официальной языковой политики прошедших лет. (Baločkaitė 2013: 48-50.)

Балочкайте утверждает, что постсоветский период ввел в страну лингвистическую либерализацию и новую волну национализма, хотя и новые националистические власти имели свое представление о хорошем и грамотном языке. Языковые идеологии послужили на благо политических идеологий. В 2000 годы либерализация языка дошла до такой степени, что в Литве начали обсуждать использование неграмотного языка, как в советский период. В Советской Литве неграмотный язык считали угрозой для политической стабильности, а в

независимой Литве речь зашла об угрозе для этнической гомогенности и морального порядка. (Baloškaitė 2013: 41, 58-59.)

1.4. Белорусский и украинский подходы к русскому языку

Мартин Ригл и Томаш Вашко изучают языковую политику ряда европейских стран и территорий, ранее входивших в состав СССР. (Riegl & Vaško 2007.) Акцент делается на классификации языковой политики разных бывших советских республик и их разделение на два основных вида: инклюзивный, включающий, и эксклюзивный, исключающий (англ. *inclusive* и *exclusive*, перевод наш – Й.Х.). (47)

Исключающая языковая политика ставит своей целью маргинализацию языков этнических меньшинств на законодательном и практическом уровнях. Зато включающей считается языковая политика, стремящаяся к официальному признанию языка меньшинства и установлению его законной позиции либо во всей стране, либо на определенной территории. Важней формальной языковой политики авторы считают неформальную часть включающей языковой политики, то есть того, как языковая политика влияет на повседневную реальность граждан, представляющих какое-либо меньшинство. (Riegl & Vaško 2007: 73.) По данным статьи, среди бывших советских республик в европейской части фиксируется оба основных вида языковой политики.

В числе других стран авторы статьи освещают расходящиеся пути Белоруссии и Украины в отношении языковой политики. Русский язык имеет огромное количество носителей в обеих странах, а официальный статус – только в Белоруссии.

Разный подход двух стран объясняется, в том числе, тем, что в них произошло после распада СССР и возобновления национального суверенитета. Начальная стадия новой независимости в Белоруссии вызвала среди национальных элит волну намерений улучшить позицию белорусского языка. Белорусский получил статус единственного официального языка страны, но русский по-прежнему преобладал и в публичной, и в частной сферах. (Riegl & Vaško 2007: 53.)

Языковая ситуация в стране усложнилась в 1994 году. После периода так называемой белорусификации и широкомасштабного ухудшения экономической обстановки партия «Белорусский Народный Фронт», выступавшая за дальнейшее продвижение белорусского языка, потеряла большую часть своего влияния в парламенте. Следовательно, русский язык восстановил официальную позицию как язык межнационального общения. Конституцию

изменили так, что родители могли свободно выбрать язык обучения ребенка. (Riegl & Vaško 2007: 54.)

Александр Лукашенко стал президентом Белоруссии в том же году. Год спустя в стране организовали референдум по приданию русскому языку официального статуса. Более 88 процентов голосовавших граждан поддержали официальный статус русского, что привело к объявлению русского языка вторым официальным языком Белоруссии. Языковая политика изменилась, и родители начали выбирать русскоязычные школы вместо белорусских. С тех пор белорусский язык теряет свое влияние. (Riegl & Vaško 2007: 54-55.)

По наблюдениям авторов статьи, ключевым различием между Белоруссией и другими бывшими советскими республиками является тот факт, что в Белоруссии русскоговорящее население не считается чужим элементом, а скорее важным компонентом национального строительства. (Там же.)

Наряду с украинским, русский является очень распространенным языком на Украине. Он преобладает в юго-восточных областях, а в центральной части страны на нем говорит примерно столько же людей, сколько и на украинском. Западная часть Украины является самой украиноязычной. (Riegl & Vaško 2007: 56.)

Для Украины характерно то, что этническое и языковое разделение населения не всегда совпадают. Авторы приводят пример:

Более 80% населения считают себя этническими украинцами. По данным последней переписи, этническими русскими записано 17%. Однако только 85% из этнических украинцев считают украинский своим родным языком. Таких людей всего лишь 67,5% всего населения страны. (Riegl & Vaško 2007: 57, перевод наш – Й.Х.)

Русское население Украины представляется многим украинцам как «пятая колонна» – нечто чужое и имперское, угрожающее украинскому национальному строительству и идентичности. Зато многие пожилые представители русского меньшинства не хотят изучать украинский. (Там же.)

Популярной языково-политической претензией русского населения на Украине является придание русскому статус второго официального языка. В частности, такие претензии возникают в городах с большой численностью русскоговорящего населения, как, например, в Днепропетровске и Харькове. (Там же: 57-58.) По данным авторов, конституция Украины гарантирует либеральное развитие и защиту русского и других языков меньшинств. Обучение языков международного общения обеспечивается, но конституция не определяет, о каких конкретных языках идет речь. (Riegl & Vaško 2007: 56.)

1.5. Языковая политика и русский язык в среднеазиатских республиках

Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Киргизия являются пятью бывшими среднеазиатскими советскими республиками, имеющими разные позиции по отношению к языковой политике и, в частности, русскому языку. В настоящее время русский является вторым официальным языком в двух из пяти стран: В Казахстане и Киргизии.

Турецкий ученый Аише Дитрих (Ayşe Dietrich) освещает разные формы советской и постсоветской языковой политики, проведенной на территории пяти стран, в статье *Soviet and Post-Soviet Language Policies in the Central Asian Republics and the Status of Russian*. (Dietrich 2011.)

Одной из ключевых тем языковой политики в Средней Азии является алфавит. В первой половине 20-го века ситуация вокруг алфавита развивалась бурно: до 1917 года среднеазиатские народы использовали арабский алфавит, что проистекало из мусульманской культуры. В начале советского периода арабский алфавит оставался в использовании с некоторыми новыми свойствами, добавленными советской властью. Однако к 1930 году каждая из пяти стран перешла к латинскому алфавиту из-за изменения официальной языковой политики. Последняя масштабная перемена имела место в 1938-1940 годах, когда кириллица стала единственным официальным алфавитом. Одновременно обучение русскому языку сделали обязательным. (Dietrich 2011: 466.)

Кроме алфавита, русский язык начинал влиять и на само содержание среднеазиатских языков. В лексике казахского, киргизского, узбекского, таджикского и туркменского языков появился целый ряд новых грамматических структур и заимствованных слов из русского языка. (Там же.)

После советского периода среднеазиатские республики занимают разные позиции по отношению к русскому языку. По Дитриху, будущее русского языка в Туркменистане кажется неясным. Младшее поколение туркмен говорит по-русски мало. В момент выхода статьи в стране оставалась всего лишь одна школа, осуществляющая обучение на русском языке: совместная туркмено-российская общеобразовательная школа имени А. С. Пушкина. Русский язык потерял значительную часть своего влияния почти во всех сферах общества, но, к примеру, имеет важную роль в высшем образовании. (Dietrich 2011, 470.)

Зато русский язык является очень распространенным в Узбекистане. Ссылаясь на данные опроса студентов в Самарканде и Ташкенте в 2002 году, Дитрих отмечает, что более 41 процентов опрошенных студентов употребляли только русский язык в профессиональной

жизни. (Ссылка на статью *Использование русского языка в Киргизстане* от 8 февраля 2003 г.) Кроме того, более миллиона узбеков работает в Российской Федерации. Русский является главным языком международного общения и с другими среднеазиатскими странами. (Dietrich 2011: 470-471.)

Дитрих считает будущее русского языка более обеспеченным в Казахстане, Киргизстане и Таджикистане. Русский язык является официальным языком в Киргизии, что почти само по себе защищает его будущее. В Казахстане, например, знание русского языка среди населения является очень высоким. Даже новые законодательные и другие акты выпускаются на русском языке и только потом на казахском. Помимо всего прочего, Казахстан имеет тесные связи с Россией в разных отраслях. (Dietrich 2011: 471-472.) Ныне русский является одним из двух официальных языков и в Казахстане.

Позиция русского языка является значительной и в Таджикистане, даже если процент русского населения, проживающего в стране, – самый низкий среди пяти стран. По данным статьи, русский сохранил свою роль языка межэтнического общения. Одновременно, спрос на специалистов по русскому языку растет. Если отношения между Россией и Таджикистаном продолжают быть теплыми, будущее русского языка кажется обеспеченным. (Там же.)

Кроме упомянутых выше аспектов, касающихся той или иной страны, Дитрих перечисляет более общие факторы, которые могут влиять на будущее русского языка в странах Средней Азии: как русское население стран относится к местной культуре и языку? Если русские не стремятся к ассимиляции в местную культуру и общество, они способствуют укреплению отделенных от окружающего общества блоков населения, что может затруднять распространение русского языка. (Dietrich 2011: 473.)

Продолжится ли тенденция, по которой все большую часть газет и журналов в Средней Азии выпускают на местных языках? Растет ли объем официальной поддержки русского языка от России? Вкладывают ли среднеазиатские государства в знание русского своих граждан для того, чтобы их страны казались более привлекательными местами для российских инвестиций? Совокупность этих факторов и других, со своей стороны, имеет влияние на будущее русского языка в пяти республиках Средней Азии. (Там же.)

2. Языковая политика

Современное мировое сообщество состоит более чем из 200 стран, каждая из которых имеет свое особое отношение к языковым вопросам. Языковые вопросы бывают разными в разных уголках земного шара. В одной стране языковое законодательство производится в целях ассимиляции того или иного меньшинства в социально-языковые нормы преобладающего социума, а в другой одинаковая и официальная позиция целого ряда национальных языков вызывает проблемы в повседневной жизни граждан. Обе ситуации отражают языковую политику, проводимую в соответствующей стране.

Зачастую языковая политика связана с вопросами, касающимися этнического состава общества. В современном мире существуют многие многонациональные страны, в которых разные группы населения употребляют разные языки. Чаще всего все языки, употребляемые разными группами населения, не могут иметь статус официального языка в стране. В Финляндии, например, живет достаточно большое меньшинство русскоговорящих людей, а официальными языками являются лишь финский и шведский (и саамский в определенных частях Лапландии). Данное положение дел исходит из языковой политики Финляндии.

Грубо говоря, языковая политика – это принятие решений о языке. Языковая политика осуществляется, когда общество принимает решения о позициях разных языков на данной территории, о самом содержании и руководящих принципах языка, о планах на дальнейшее развитие языка и тому подобное. (Schiffman 2006: 112)

В последние годы в научном поле языковой политики делается особый акцент на языках этнолингвистических меньшинств разных стран. Значительная часть современных ученых подходят к теме языковой политики именно с этой точки зрения, возлагая ответственность за сохранение языков меньшинств на плечи властей и на осуществляемую ими языковую политику. Существует надежда на то, что адекватной языковой политикой мы можем предотвратить процесс сокращения числа языков в мире.

Проблема вымирания языков и возможности восстановления вымирающих языков обсуждается, в том числе, в книгах *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union* (Marten et al. 2015.) и «*Как и зачем сохранять языки народов России?*» (Замятин и др. 2012.). В нашей работе мы применим теорию Гове Скутнабб-Кангас о *языковых правах человека*, касающуюся той же темы. (Skutnabb-Kangas 2006 / Skutnabb-Kangas et al. 1995)

Российский лингвист В. М. Алпатов утверждает, что языковой политики невозможно избежать. Тот или иной язык распространяется или подавляется всегда, так как при отсутствии активных мер властей для подавления или распространения языка такие процессы все равно происходят через СМИ, развитие рынка, политику в области образования и так далее. (Алпатов 2013: 8-9.)

В настоящей работе используются термины *государственный язык* и *официальный язык*. Под государственным языком понимается язык, который выполняет интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, и который выступает в качестве символа данного государства. Официальным считается язык государственного управления, законодательства, судопроизводства. (Вахтин & Головкин 2004: 42.)

Далее мы представим теоретическую и методическую основу нашей работы, начиная от нескольких разных понятий и идей о языковой политике и заканчивая теориями риторики и дискурс-анализа, ключевыми для данной научной работы.

2.1. Потребности в языковой политике и типы языков меньшинств

В. М. Алпатов считает, что языковая политика того или иного государства всегда основана на взаимодействии двух потребностей, противоречащих друг другу. В его терминах, речь идет о потребности идентичности и потребности взаимопонимания. (Алпатов 2013: 8.)

Под *потребностью идентичности* понимается стремление человека использовать свой родной язык во всех ситуациях, требующих общения. Алпатов считает одноязычие идеалом для удовлетворения потребности идентичности, поскольку в одноязычных обществах все могут использовать общий родной язык общения. (Там же.)

Единственная попытка создать языковую политику, основанную на потребности идентичности, имела место в 1920-1930 гг. в Советской России и СССР. Народный комиссариат уже в 1918 году возражал против использования единого государственного языка и поддержал укрепление позиции языков, соответствующих национальному составу той или иной территории. По мнению Алпатова, данная языковая политика, основанная на потребности идентичности, являлась реакцией на ассимиляторскую царскую политику. (Алпатов 2013: 21.)

Ранняя советская языковая политика, основанная на потребности идентичности, достигла частичных успехов. Многие языки национальных меньшинств СССР развивались

далее благодаря совместным усилиям советских лингвистов тех времен. Эту деятельность называли языковым строительством, в результате которого, в том числе, были созданы алфавиты и лингвистические нормы для более чем 70 языков. (Там же.)

Говоря о *потребности взаимопонимания*, Алпатов имеет в виду желание всех участников той или иной ситуации общения понимать друг друга, несмотря на то, какой язык кому родной. Стремление к реализации данной потребности характерно для языковой политики большинства стран мира. Однако для полного осуществления языковых прав меньшинств, говорящих на своем языке, требуется и реализация потребности идентичности. Как правило, для удовлетворения обеих потребностей требуется одноязычное общество. (Алпатов 2013: 10.)

Позиции языков меньшинств различаются. Одни бывают региональными языками, а другие могут даже вымереть. Алпатов перечисляет три основных варианта статуса языка меньшинства:

Региональный язык – это язык, используемый в разных сферах жизни на определенной территории страны и имеющий письменность. Как правило, его использование в обществе с доминирующим государственным языком разрешается в достаточно широком масштабе. В качестве примера служат французский язык в Канаде и грузинский язык в СССР. Алпатов считает статус регионального языка самым лучшим вариантом для языка меньшинства, так как региональные языки совершенно устойчивы. (Алпатов 2013: 13-14.)

Второй тип позиции языка меньшинства – *язык в функции бытового*. Речь идет о языках, не имеющих ни продвинутой письменности, ни официальной позиции. Язык в функции бытового может передаваться из поколения в поколение, тем самым сохраняя свое существование, но его носителям (которые обычно двуязычные) характерно переходить на государственный или региональный язык при деловых или культурных ситуациях. Языки в функции бытового могут использоваться даже в школах, но на высшем уровне образования – крайне редко. (Алпатов 2013: 15.)

Третий и самый худший вариант для жизнеспособности языка – *вымирание*. Ссылаясь на Ж. Лапонса (Laponce 1987: 42.), Алпатов наглядно изображает процесс регресса языка до стадии вымирания:

Оно (= вымирание языков – Й.Х.) в современном мире связано не столько с гибелью, сколько с ассимиляцией их носителей. Такие языки проходят все стадии пути от одноязычия как владения языком своего этноса через двуязычие к одноязычию как владению языком, ранее бывшим чужим. Предпоследний этап перед вымиранием – «языковое гетто», когда язык еще помнят и иногда говорят на нем с немногочисленными соплеменниками, но возможности свободного его использования крайне ограничены. (Алпатов 2013: 16.)

Алпатов представляет и явление вынужденного двуязычия, примером которого, по нашему мнению, может служить языковая ассимиляция эстонцев в СССР или же ситуация русскоговорящей части населения современной Эстонии. При вынужденном двуязычии страдают обе потребности, лежащие в основе языковой политики. (Алпатов 2013: 25.)

Стратегий преодоления трудностей, появившихся с вынужденным двуязычием, четыре. Первая – игнорировать потребность идентичности и перейти на новый язык, при этом продолжая использование материнского языка в семейных отношениях. Вторая стратегия – отказаться от потребности взаимопонимания и замкнуться в собственной национальной общине. Третья – покинуть место жительства и переехать в одноязычную среду, где удовлетворены обе потребности. Последняя стратегия – борьба за равноправие языка или изменение государственных границ. (Там же.)

2.2. Критическая теория в исследовании языковой политики

Многим исследованиям языковой политики свойственно не только изучать заданную тему, анализируя ее, но и занять какую-либо позицию относительно предмета исследования. Согласно Дж. Толлефсону, критическое исследование языковой политики (англ. *critical language-policy research*, перевод наш – Й.Х.) может представлять собой стремление к социально-общественным изменениям. Критический аспект относится и к тому факту, что, по существу, критическое исследование языковой политики критикует господствующие тенденции и направления изучения языковой политики, находясь под влиянием критической теории. (Tollefson 2006: 42.)

Толлефсон считает, что критическое исследование языковой политики заимствует два главных предположения из поля критической теории: во-первых, структурные категории, разделяющие население на группы по этничности, полу или общественному классу, считаются ключевыми объяснительными факторами в разных явлениях социальной жизни. На начальных этапах критического исследования языковой политики данное предположение привело к

неомарксистским взглядам на языковую политику в качестве арены сражения между разными противоположными интересами. Позднее этничность и пол стали более актуальными темами. (Tollefson 2006: 44.)

Во-вторых, критическое исследование языковой политики стремится к критическому рассмотрению отношения между исследователями и исследуемыми людьми. Это, в свою очередь, связано с критическим рассмотрением эпистемологии и методологии изучения. Толлефсон задается целым рядом вопросов о том, как исследователи языковой политики убеждаются о правильности того или иного вида информации, следовательно, какая моральная ответственность лежит на плечах исследователя и тому подобное. (Tollefson 2006: 44-45.)

В общих чертах можно утверждать, что, наряду с вопросами о социальной справедливости и моральности, в основе критического исследования языковой политики лежит и критическое рассмотрение его собственных методов и фундаментов.

2.3. Языковые права человека

Мы считаем теорию о *языковых правах человека* (англ. linguistic human rights) наглядным примером влияния критической теории на исследование языковой политики и стремления к социальной справедливости. Финский лингвист и педагог Тове Скутнабб-Кангас изучает понятие языковых прав человека во многих своих работах. Под языковыми правами человека понимаются языковые права, объединенные с правами человека. Речь идет об одних из самых основополагающих и важных прав человека. (Skutnabb-Kangas 2006: 273.)

Языковые права человека имеют интересы двух разных типов: 1) экспрессивные интересы и 2) инструментальные интересы. Экспрессивными языковыми претензиями считаются претензии, цель которых заключается в укреплении безопасного языкового окружения, функционирующего на родном языке человека. Инструментальные языковые претензии, в свою очередь, направлены на обеспечение беспрепятственного участия человека в публичных институтах, демократическом процессе и разных перспективах, требующих лингвистических квалификаций. Язык должен не препятствовать осуществлению языковых прав того или иного человека. (Rubio-Marín 2003: 56.)

При осуществлении языковых прав человека на индивидуальном уровне люди способны идентифицироваться со своим языком в положительном смысле, несмотря на то, владеет ли человек языком меньшинства или языком большинства. Осуществляя языковые

права человека, человеку предоставляется возможность учиться на своем родном языке и изучать хотя бы один из официальных языков страны проживания. (Skutnabb-Kangas et al. 1995: 2.)

Чаще всего группами с ограниченными лингвистическими правами человека являются национальные меньшинства, говорящие на собственном языке. У большинства лингвистических меньшинств мира нет языковых прав человека. Лингвистическими правами человека располагают носители тех языков, которые имеют официальный статус в той или иной стране. (Skutnabb-Kangas et al. 1995: 2-5.)

В качестве примера лишения лингвистических прав человека Скутнабб-Кангас освещает ситуацию курдов, живущих на территории Турции. Курды могут иметь все права и возможности, гарантированные гражданам страны, но для этого им нужно отвернуться от своей курдской идентичности и лингвистических прав человека и полностью ассимилироваться в турецкой культуре. Сохранение и продвижение курдской культуры посредством фильмов и книг, например, может привести к лишению свободы и тюремному наказанию. Скутнабб-Кангас считает, что более всех других стран мира Турция стремится к уничтожению языка своего меньшинства, курдского. (Skutnabb-Kangas et al. 1995: 347-368.)

Скутнабб-Кангас называет *лингвицизм* (англ. linguicism) одной из форм расизма. Речь идет о языковой дискриминации, со временем заменившей откровенный расизм. Она утверждает, что лингвицизм свидетельствует о стремлении сохранить расизм в новой, более изощренной, форме для иерархизации людей и сохранения неравномерного распределения ресурсов. (Skutnabb-Kangas et al. 1995: 103-104.)

Лингвицизм представляет собой, что одни языки являются подходящими к высокому статусу и доминированию над другими языками. Однако Скутнабб-Кангас подчеркивает, что люди могут воспроизводить лингвицистские практики бессознательно и случайно, поскольку речь идет о структурах, не всегда являющихся очевидными. (Skutnabb-Kangas et al. 1995: 105.)

Лингвицизм может препятствовать человеку осуществлять свои лингвистические права человека. При лингвицизме язык меньшинства либо становится «невидимым», либо его считают недостатком, мешающим его носителям приобрести навыки в доминирующем языке, считающемся драгоценным ресурсом. (Skutnabb-Kangas et al. 1995: 106.)

Скутнабб-Кангас говорит о трех разных стратегиях воспроизводства расизма. Во-первых, прославление большинства и его культуры, институций, языка и тому подобное. Во-вторых, стигматизация меньшинства и соответствующих ему явлений. В-третьих, ложные рационализации, представляющие большинство и его намерения всегда в положительном

свете. Соответственно, большинству придается роль цивилизатора и благодетеля в отношении с меньшинством. (Там же.)

3. Риторика

Основным методом нашей работы является риторический анализ. С помощью идей разных ученых мы ставим себе цель узнать, какими риторическими средствами авторы анализируемых статей стремятся к убеждению своих читателей. Нам интересно узнать и то, какую аудиторию, в первую очередь, статьи предназначены убедить.

Аргументируя за или против чего-то, человек не только передает информацию, но и сознательно или бессознательно выбирает риторические средства в целях убеждения своей аудитории в правильности информации. Финский исследователь Арья Йокинен предлагает:

В риторическом анализе рассматриваются языковые процессы, производящие разные значения, с точки зрения того, каким образом заданные версии реальности стремятся сделать убедительными и поддерживаемыми, а также то, как заставить слушателей, читателей или собеседников разделять их. ...Риторический анализ, как и анализ любого дискурса, исходит из подчеркивания интерпретационного характера реальности. (Jokinen et al. 2016: 338. Перевод наш – Й.Х.)

В настоящей работе применяются, в частности, теории знаменитого бельгийского ученого Хаима Перельмана, а также конкретные риторические средства, представленные Арьей Йокинен и суммирующие взгляды некоторых исследователей.

3.1. «Новая риторика» по Перельману

Наряду с Стивеном Тулмином и Кеннетом Берком, Хаим Перельман считается одним из отцов-основателей новой риторики. Эти ученые начали изучать риторику в период, когда она практически не вызывала интереса в научных кругах. (Summa 1996: 51.)

Перельман считает, что риторика, изучаемая еще во времена Аристотеля, умерла к концу 16-го века. Переломным моментом был доклад француза Омера Талона в 1572 году, в котором он обращал внимание исключительно на разные фигуры речи. С точки зрения Перельмана, работа Талона послужила отправным пунктом для превращения риторики в науку лишь о фигурах речи и последующего ее вымирания. (Perelman 2007: 10-11.)

«Новой риторикой» Перельман называет риторику, изучающую аргументы и условия их приведения. Новая риторика является продолжением и расширением аристотелевской риторики. (Там же.)

3.1.1. Фундаменты аргументации и типы аудитории

Понятие аудитории встречается в работах Перельмана часто, являясь ключевой частью новой риторики (по Перельману). Роль аудитории важна, поскольку адресант должен построить свои аргументы, обращая на нее особое внимание. Речь идет о том, что аргументы адресанта должны опираться на утверждения, заранее одобренные аудиторией. Если эта предпосылка выполняется, адресант может связывать одобренные аудиторией утверждения со своими аргументами. Таким образом, он стремится перенести одобрение утверждений и на свои аргументы. (Perelman 2007: 28.)

Перельман ставит вопрос о том, как определить действительную аудиторию аргументации. Выступая перед своими коллегами, депутат парламента может аргументировать не только присутствующим людям, но и гражданам, слушающим прямую радиопередачу из парламента. Вследствие этого аудиторию трудно определить. В своей новой риторике Перельман считает аудиторией тех людей, на которых оратор стремится влиять. (Perelman 2007: 20-21.)

Аргументы могут быть направлены разным аудиториям, начиная с внутреннего мышления самого адресанта и заканчивая всем человечеством. Если аргументы направлены всем разумным членам человечества, то аудитория является *универсальной*. (Там же.) Перельман считает, что, аргументируя универсальной аудитории, адресант адресует свои слова всем людям, способным понимать его. (Perelman 2007: 24.)

Когда все разумные члены человечества составляют аудиторию, основные утверждения, одобряемые всей аудиторией, почти невозможно придумать. По этой причине, философ, например, старается найти универсальные факты и ценности, которые, по умолчанию, одобряют все разумные люди. К примеру, он может обращаться к здравому смыслу или самоочевидности, аргументируя универсальной аудитории. (Там же.)

На самом деле, тип аудитории не зависит от ее размера, а точнее, от того, кого выступающий стремится убедить выступлением. Если его адресная аудитория состоит из четко определенной группы людей, то, как правило, речь идет об аргументации *особой аудитории*. В таком случае выступающий знаком с позицией аудитории по разным вопросам, что позволяет ему построить аргументы, направленные именно той аудитории. (Perelman 2007: 20-25.)

3.1.2. Типы аргументов

Наряду с классификацией аудитории, Перельман разделяет аргументы на разные категории. Далее, мы коротко представим категории аргументов по Перельману. Напоминаем, что основным методом анализа в нашей работе является отыскание конкретных риторических средств, представленных АрьеЙ Йокинен. Во многом мысли на тему конкретных методов аргументации двух авторов совпадают.

Первым типом аргументов являются *квазилогические аргументы*, которые напоминают формальное умозаключение. Им характерна убедительность в глазах обывателя, но, на самом деле, их нужно отличать от логического умозаключения. Примерами квазилогических аргументов являются тавтологии, то есть повторения уже переданной информации с помощью новых терминов, а также сравнение, в котором не применяются настоящие методы или системы измерения. Перельман приводит пример о человеке с красными, как яблоки, щеками. Следует отметить, что в квазилогической аргументации параллели или противоположные собственной позиции аргументы редко определяются убедительно. (Perelman 2007: 62-88.)

Второй тип аргументов – *аргументы, основанные на структуре реальности*. Они основываются на связках между разными факторами реальности, позволяющих перенос одобрения какого-либо общепринятого мнения на содержание аргументов адресанта. Чаще всего такие связки бывают последовательными или параллельными. В число последовательных связок входят, к примеру, причина и следствие. Примером параллельной связки Перельман называет отношение между человеком и его поступками. (Perelman 2007: 93.)

Адресант, возражающий против какого-то процесса или явления, может построить аргументы, основанные на структуре реальности, для предотвращения такого процесса или явления. Примером такого аргумента служит так называемый скользкий уклон, по которому требование «А» оппонента автоматически приводит к требованию «Б», что приведет к требованию «В», и тому подобное. При этом Перельман задается вопросом, демонстрирующим разделение какого-либо процесса на некоторые стадии и использованным в каузальных аргументах: сколько отраслей должно быть национализировано для того, чтобы экономическую систему можно было назвать социалистической? (Perelman 2007: 101-102.)

Параллельные связки, в свою очередь, связывают друг с другом явления разных уровней. Человек может изображаться, к примеру, лишь отражением своих поступков или производным своей исторической эпохи. Конкретными примерами параллельных

риторических средств Перельман называет персонификацию, апострофу и просопопею. (Perelman 2007: 103-114.)

Третий тип аргументов, по Перельману, составляют *аргументы, способствующие воссозданию структуры реальности*. Речь идет об аргументах, создающих модель, прецедент или общее правило по какой-либо конкретной ситуации. Наглядным примером таких аргументов является аргументация с помощью примера. Перельман приводит пример о человеке, с успехом поднимающемся по общественной лестнице. Его историю можно использовать в аргументах за какое-либо общество или общественную систему. Для укрепления такой позиции адресант может переходить к обобщению и привести еще другие примеры, поддерживающие его позицию. (Perelman 2007: 60-61; 120.)

3.2. Дискурс-анализ и риторический анализ

Профессор университета Тампере Арья Йокинен является экспертом по дискурс-анализу и риторическим средствам. В своей работе *Diskurssianalyysi: Teoriat, peruskäsitteet ja käyttö*. (Jokinen et al. 2016: 337-368) она классифицирует конкретные риторические средства, типичные для аргументации в текстах или выступлениях. Это классифицирование служит ключевым методом и в нашем риторическом анализе. Главным источником для Йокинен является работа британского ученого Джонатана Поттера *Representing Reality. Discourse, Rhetoric and Social Construction*. (Potter 1996.)

Дискурс-анализ исходит из того основного конструктивистского предположения об использовании языка, по которому язык и слова являются частями действительности вместо того чтобы служить инструментом передачи информации о ней: использование языка считается не мостом в действительность, а ее частью. Дискурс-анализ рассматривает использование языка и производство социальной действительности в разных социальных практиках. Йокинен отмечает, что в последнее время вместо общей дискурсивной теории в поле дискурс-анализа набирает силу развитие конкретных инструментов для анализа материала. (Jokinen et al. 2016: 17-18.) Такая тенденция отражена и в методологическом выборе нашей работы.

Как мы уже упомянули выше, конструктивистский взгляд об интерпретационном характере реальности является ключевым для риторического дискурс-анализа. Анализируя какой-либо текст или речь путем риторического дискурс-анализа, мы стремимся определить, каким образом автор добивается убедительности своей версии реальности. Среди других,

типичными анализируемыми материалами бывают статьи газет, прозаические произведения, рекламы, предвыборные дебаты телевидения, звукозаписи и тому подобное. (Jokinen et al. 2016: 338.)

Риторические средства делятся на две основных категории. *Оборонительной риторикой* адресант стремится к укреплению и защите своей позиции. Цель *наступательной риторики*, в свою очередь, заключается в опровержении контраргумента. (Potter 1996: 107.) Йокинен считает оборонительную риторику основой риторической аргументации, поскольку аргументирование лишь наступательной риторикой не может достичь успеха. Во многом сами риторические средства оборонительной и наступательной риторики являются аналогичными. (Jokinen et al. 2016: 342-343.)

Кроме разделения риторических средств по их оборонительному и наступательному характерам, Йокинен представляет и второй способ классификации. Точнее, риторические средства могут нацелиться либо на автора аргумента, либо на сам аргумент. Средства, направленные на сам аргумент, используются для укрепления защищаемой позиции и повышения ее правдивости. Риторические средства, направленные на автора, связаны с важностью испытываемого доверия к нему. Человеку, пользующемуся высоким доверием среди слушателей, легче достичь одобрения своих аргументов. (Jokinen et al. 2016: 344.)

Далее мы представим разные риторические средства кратко, опираясь на работу Йокинен, а также на работы авторов, использованные ей. Данные о разных риторических средствах применятся более обстоятельно в аналитической части настоящей работы.

3.2.1. Риторические средства, направленные на автора

Первым риторическим средством является *отстранение от собственных интересов*. Если личная заинтересованность автора в предмете аргумента известна членам аудитории, ему трудно построить убедительную аргументацию. Для преодоления этой проблемы автор стремится убедить аудиторию в его бескорыстности. Человек, перешедший из одной политической партии в другую, например, может объяснить, что у него не было других вариантов, поскольку верит в правду. Это помогает ему аргументировать против своей бывшей партии. (Jokinen et al. 2016: 344-345.)

Следует отметить, что зачастую противоположный риторический подход к проблеме личной заинтересованности способен приносить результаты. Намеренное обращение внимания на личную заинтересованность может помочь автору передать впечатление о его честности. (Там же.)

Второе риторическое средство – *оправдание категорией оратора*. Убедительность речи зависит и от того, какую позицию оратор имеет в обществе. Позицию профессора, к примеру, принято считать позицией мудреца, что может повысить убедительность аргументов профессора. Речам с позиции алкоголика, ребенка или слабоумного, в свою очередь, труднее достичь убедительности. Йокинен называет такие позиции категориями. (Jokinen et al. 2016: 346-347.)

Намеренное использование той или иной категории может поддержать аргументацию оратора. В зависимости от аудитории и цели выступления, один и тот же человек может аргументировать с позиции матери, студента, владельца кошки и тому подобное. Таким образом, с точки зрения риторического анализа интересно узнать, какие категории применяют в каких случаях. (Jokinen et al. 2016: 347.)

Йокинен напоминает, что членство в заданной категории не всегда является очевидным фактом. Категории президента или депутата парламента, например, легко определить, но как знать точно, кто такой интеллектуал? (Там же.)

Регулированием степени принадлежности оратор может обязать себя своим утверждением или отстранить себя от него, работая как будто лишь посредником. (Potter 1996: 142-149.) Йокинен приводит пример:

Степень принадлежности между утверждением и его автором явно изменяется во втором заявлении:

- 1) Карин не может прийти на праздник сегодня, потому что она больная.
- 2) Карин сказала, что она не может прийти на праздник сегодня, потому что она больная. (Jokinen et al. 2016: 349. Перевод наш – Й.Х.)

Первый вариант указывает, что степень принадлежности оратора к своему утверждению является высокой. Во втором варианте он не занимает никакой позиции относительно того, говорит ли Карин правду. (Там же.)

Ссылки к другим авторам и авторитетам являются популярным риторическим средством. Речь идет о *подтверждении консенсусом или заявлением эксперта*. Убедительность аргумента укрепляется, если многие другие лица или авторитеты одобряют его содержание. Эффект становится еще сильнее, если оратор убедит аудиторию в том, что такие авторитеты или специалисты сделали те же выводы самостоятельно, без влияния друг на друга. (Potter 1996: 158-162.)

Для политической риторики характерно аргументировать с позиции такой значительной группы людей, как политическая партия. Использование «мы» вместо «я» в

аргументах способствует оратору опираться на институцию, членом которой он является. Это производит впечатление о группе людей с одинаковыми интересами. (Huvärinen 1994: 71-73.)

3.2.2. Риторические средства, направленные на аргумент

Производство фактов характерно, в частности, для научных дискурсов. Аргументы стремятся превратить в факты путем сокрытия роли самого исследователя, намекая, что к заданному выводу пришли как будто неизбежно. (Gilbert & Mulkaу 1984: 42.) Йокинен отмечает, что такая речь характерна и для политиков. (Jokinen et al. 2016: 352.)

Производство фактов в аргументах изображает реальность, в которой вокруг нас идет постоянный хаос, на который мы не можем влиять никак. Йокинен приводит выразительные примеры об «испугавшемся рынке» и «убегающем капитале». Эти явления просто имеют место, что оправдывает предлагаемые оратором меры. (Там же.)

Люди категоризируют друг друга, ситуации и вещи постоянно. В аргументации *категоризация* того или иного явления помогает оратору критиковать или одобрять его. (Billig 1987: 135.) Защитники прав животных, к примеру, могут быть названы экотеррористами, когда целью аргументации является критика их деятельности. В глазах аудитории использование такого названия может оправдать применение силы против активистов. (Jokinen 2016: 354.)

Йокинен констатирует, что к категоризации прибегают и в научных сферах. Ведь ученые предпочитают говорить о таких категориях, как полученные результаты или наблюдаемые данные вместо интерпретации или понимания. (Там же.)

Эффективность *убеждения деталями и историями* основывается на повествовании. Оратор повествует о чем-либо детально, не делая выводы за свою аудиторию. Аргументы строятся образом, позволяющим самим слушателям заполнить пробелы и сделать выводы, к которым оратор стремится. (Potter 1996: 117-118, 162-166.)

Преимуществом этого риторического средства является то, что оратор не должен объяснить свои утверждения слушателям, поскольку он не предлагает им сами выводы. (Potter 1996: 162-166.)

Квантификация в аргументации работает двумя способами. Во-первых, с ее помощью оратор может укреплять свои утверждения числами, процентами, пропорциями и тому подобное. Во-вторых, квантификацию можно использовать и в словесном виде, оценивая разные явления такими прилагательными, как маленький, большой, маргинальный и так далее. (Jokinen et al. 2016: 358.)

Квантификацию используют в качестве риторического средства в различных формах. Йокинен приводит пример проблемы бездомных. Аргументируя за принятие мер в городе для решения проблемы бездомных, оратор может предположить, что число бездомных сократилось на одну треть за пять лет. Содержание такого заявления может отличаться, даже если слова остаются теми же. Аргумент не занимает никакой позиции относительно того, кого именно считают бездомными. Самое мелкое изменение определения бездомных может повлиять на их число фундаментальным образом. Вдобавок, аудитории не известно, остался ли способ подсчета бездомных людей таким же с прошлого раза. (Там же.)

Презентация того или иного явления в числовой форме передает аудитории представление о ясной и бесспорной информации. Йокинен напоминает, что качественные явления трудно представить числовым образом. Числовая квантификация не только посчитывает, но и производит явления. (Там же.)

Метафора изображает какое-либо явление понятиями, которые не соответствуют его буквальному определению. Временами метафору определяют как сравнение без слова «как». (Jokinen et al. 2016: 360.)

Используя метафоры, оратор может связать слова и выражения из других сфер со своим аргументом. Новое для аудитории дело становится более понятным с помощью чего-то известного. (Aro 1999: 45.) К примеру, речь может идти о выражениях и идиомах из военного лексикона, которые используют в изображении чего-либо, никак не связанного с войной. Человек может сражаться с бюрократией или подготовиться к бою перед судебным процессом.

С помощью *крайних выражений* оратор стремится к подчеркиванию желаемой черты объекта изображения. Обычно речь идет о максимизации или минимизации какой-либо черты или положения дел. Если прачечная портит недавно купленное платье, владелица платья может обратиться к ней с жалобой о повреждении совершенно нового платья вместо просто нового платья. Если кто-то считает другого человека приятным, он может рассказать другим, что все любят этого человека. (Potter 1996: 187.)

Использование крайних выражений способно укреплять аргументацию оратора и сделать аргументы более бесспорными. Однако чрезмерное использование данного риторического средства может раздражать аудиторию и показаться лишь постоянным преувеличением. (Jokinen et al. 2016: 363-364.)

3.2.3. Другие риторические средства

Ссылаясь на нескольких авторов, Йокинен добавляет четыре риторических средства к вышеупомянутым основным средствам.

Трехступенчатый список укрепляет закономерность какого-либо явления или поступка. Жена, подозревающая, что ее муж изменяет ей, привела терапевту три доказательства. Как-то ночью ее муж говорил по телефону с другой женщиной. Одна подруга жены рассказала, что она видела ее мужа в пабе с другой женщиной. Другая подруга рассказала, что она видела его в ночном клубе в какую-то ночь. (Potter 1996: 196-197.)

Контраст в качестве риторического средства заключается в сопоставлении двух позиций. Если в стране проводится референдум между вариантами «А» и «Б», сторонникам варианта «А» характерно строить контраст между положительными последствиями победы «А» и отрицательными последствиями победы «Б». Зачастую поддерживаемый вариант представляется позитивными понятиями, а противостоящий вариант – всего лишь негативными. (Jokinen et al. 2016: 365.)

Повторение используют часто в рекламах. Кроме повторения в чистом виде, оно встречается и в более не прямой форме в различных контекстах. Оратор связывает аргументы другого человека или авторитета с собственной аргументацией, создавая что-то новое путем контекстуализации. В повторении никогда не только лишь повторяют, так как повторяемое содержание – не то же самое, что повторяется. Каждый повтор является созданием своего рода, приносящим что-то прошлое в нынешний момент. (Billig 1991: 22.)

Аргументы строят и в целях *подготовки к контраргументам*. Тщательной подготовкой оратор стремится к обезоруживанию оппонента, заранее рассматривая возможные контраргументы и их недостатки в своем выступлении. Если оформление союза с аудиторией удастся, контраргументы ослаблены уже до их применения. (Jokinen et al. 2016: 366-367.)

4. Риторический анализ статей о языковой политике Латвии и Эстонии в российских газетах

Данная часть работы посвящена анализу статей газет «Российская газета» и «Известия». Статьи представляют языковую политику Латвии и Эстонии, делая акцент на русском языке и позиции их русскоязычного населения. Статьи анализируются на уровне теории языковой политики, представленной во второй части нашей работы, а также на уровне риторики, изложенной в третьей части работы.

Статьи собраны с помощью электронного архива средств массовой информации России и стран СНГ «ИНТЕГРУМ Профи». Собранный нами материал состоит из 52 статей крупных российских газет «Российская газета» (36 статей) и «Известия» (16 статей). В число анализируемых статей входят и некоторые авторские статьи. Статьи опубликованы в промежутке между 2004 и 2017 годами. 39 статей обсуждают языковую политику в Латвии, а 11 – в Эстонии. Две статьи касаются и того и другого государства.

Анализ разделен всего на восемь частей. Сначала мы проанализируем статьи «Российской газеты» на тему языковой политики Латвии с точки зрения теории языковой политики. Прежде чем мы перейдем к анализу статей по Эстонии, мы рассмотрим и риторику статей по Латвии. Ход и порядок исследования остаются такими же и в анализе статей про языковую политику Эстонии. Анализ статей, опубликованных в газете «Известия», построен таким же образом.

4.1 «Российская газета»

Статьи «Российской газеты» опубликованы в 2005-2017 годах. 25 статей газеты посвящено языковой ситуации в Латвии, а девять – в Эстонии. Вдобавок, две статьи «Российской газеты» обсуждают и ту и другую страну. Автор самого большого количества статей – Надежда Ермолаева (17 статей). Остальными авторами являются Владимир Богданов, Константин Волков, Владислав Воробьев, Валерий Выжutowич, Екатерина Забродина, Юлия Кантор, Диана Ковалева, Петр Лихоманов, Николай Мишулин, Елена Новоселова (пять статей), Анна Федякина, Виктор Фещенко, Михаил Швыдкой, Евгений Шестаков, Ядвига Юферова и Елена Яковлева.

Большое количество статей от одного автора вызывает наш интерес. Н. Ермолаева является автором 17 разных статей «Российской газеты», обсуждающих языковую политику

Латвии или Эстонии. 13 статей Ермолаевой касаются, в первую очередь, Латвии, а четыре остальных – Эстонии. В основном статьи содержат короткие новости про законы и законопроекты, влияющие на позицию русского языка или русскоязычного населения стран. Многие из них сопровождаются комментариями представителей местных движений или общин русскоговорящих жителей.

Мы предполагаем, что высокое количество статей Н. Ермолаевой объясняется ее личным интересом к прибалтийским государствам и русским людям, оказавшимся в ближнем зарубежье с распадом СССР. По содержанию статей мы сделали вывод о том, что она не является корреспондентом, живущим в Эстонии или Латвии. Одновременно по статьям нельзя догадаться, с чем связан ее особый интерес к Латвии и Эстонии. Так или иначе, мы не изучали данный вопрос дальше, поскольку считаем, что он отходит от фактического предмета нашего исследования.

4.1.1. Языковая политика Латвии в статьях «Российской газеты»

Языковая политика Латвии и позиция русскоязычного населения обсуждается в 27 статьях «Российской газеты». Как статьи про Эстонию, так и статьи про Латвию обсуждают определенные темы неоднократно. Акцент делается на проблемах, касающихся русскоязычного населения и позиции русского языка в Латвии.

«Российская газета» освещает, в том числе, референдум 2012 года по приданию русскому статусу второго государственного языка, предложенный переход всех школ на латышский язык обучения, ограничения на употребление русского языка на официальном уровне и штрафы за него, противоречивость между повседневной жизнью русскоговорящих граждан и официальной языковой политикой и тому подобное. Мэр Риги Нил Ушаков, для которого русский язык является родным, упоминается в девяти из 39 статей по языковой политике Латвии. Его посты в социальных сетях освещаются тщательно, поскольку они связаны с его личным опытом взаимоотношений с Центром государственного языка Латвии.

Статьи касаются и других тем. В одной из статей, к примеру, обсуждается запрос министра иностранных дел Латвии к своему российскому коллеге об облегчении работы латвийским историкам в российских архивах. Отметим, что корреспондент задает латвийскому министру и вопросы о более болезненных темах, как, например, по позиции русского языка в Латвии и о проблемах общей истории двух стран. В другой статье, в свою очередь, обсуждается финансовая помощь Рижскому русскому театру от латвийского государства.

4.1.1.1. Языковая политика по «РГ» – вытеснение русского из латвийского общества

Языковая политика Латвии представляется «Российской газетой» посредством нескольких тем, касающихся позиций русскоговорящего населения и русского языка. Особое внимание обращается на законы и законопроекты, ограничивающие использование русского языка, на референдум 2012-го года по статусу русского языка, а также на вопросы о русскоязычном образовании в стране.

Статьи «Российской газеты» знакомят читателей с Центром государственного языка Латвии, которому поручен надзор за соблюдением законов, регулирующих использование языков в разных сферах общества. Имеются в виду, в том числе, денежные штрафы чиновникам, не применяющим государственный латышский язык в достаточном объеме:

СЕЙМ Латвии принял поправки к кодексу административных нарушений, которые устанавливают административное наказание за неприменение государственного языка.

Теперь чиновники, не желающие использовать государственный язык в таком объеме, который, как считают местные законодатели, необходим для выполнения профессиональных и должностных обязанностей, заплатят штраф в размере до 50 латов (около 70 евро). За повторные нарушения, совершенные в течение года, штраф возрастет до 284 евро. (Богданов 2005.)

Тема денежных штрафов освещается в некоторых статьях. По «Российской газете», Центр государственного языка штрафует и латвийских градоначальников за использование русского языка. Наряду с мэром Вентспилса, обратившимся к местным жителям на русском языке на публичном мероприятии (Лихоманов 2017), в постоянные неприятности с Центром государственного языка, по информации газеты, попадает мэр Риги Нил Ушаков. Его конфликты с Центром в результате привели мэра в судебные залы:

<...> Стоит обратить внимание, что мэр Риги возмущен не только штрафом Центра госязыка, но и решением местных судей, которые фактически поддержали языковую инквизицию. «Таким судьям не место в судебной системе. Именно из-за таких судей общество Латвии перестало верить в непредвзятость судебной власти», – написал мэр. По мнению юристов, шансы Ушакова выиграть дело в Конституционном суде и ЕСПЧ весьма велики. («Право на русский», Ермолаева 2017.)

Вдобавок, «Российская газета» подвергает сомнению мотивы штрафов за неприменение латышского. Возможно, штрафы не только защищают государственный язык, но и обогащают государство. По Н. Ермолаевой, Центр государственного языка не скрывает, сколько денег собирается штрафами. Некоторые сотрудники хвастаются суммами, которыми они обогатили

государственную казнь с помощью языковых законов. («Родной язык уже не нужен». Ермолаева 2016.)

Второй ключевой темой статей «Российской газеты» является референдум 2012-го года по приданию русскому языку государственного статуса наряду с латышским. Референдум был инициирован обществом «Родной язык», представители которого интервьюируются во многих статьях. Один из руководителей общества Александр Гапоненко рассказывает в статье, опубликованной в преддверии референдума, что победу в референдуме нельзя исключить. («Второе место пусто не бывает». Ермолаева 2011.) В основном, интервью передает оптимистичное настроение перед наступающим плебисцитом.

Тон статей, освещающих результаты референдума, отличается от предвыборных аналогов. По данным газеты, представители общества «Родной язык» не ожидали проигрыша в голосовании. Одновременно итог референдума считают доказательством того, что русский язык должен иметь официальную позицию на востоке Латвии:

«И все-таки это прорыв. Мы надеемся, что именно после нашего референдума восточный регион Латвии – Латгалия – станет русскоязычным. Там за русский язык как второй государственный высказалось 56 процентов жителей», – сказал корреспонденту «РГ» активист общества Александр Гапоненко. («Латвия не взяла языковой барьер», Ермолаева 2012.)

Е. Забродина, в свою очередь, относит итог референдума к проблеме так называемых неграждан. Неграждане не могли принимать участия в голосовании, что, как полагает автор, имело огромное влияние на результаты референдума. По данным статьи, движение «За равные права» организовало сбор подписей в поддержку проведения референдума по ликвидации проблемы неграждан. Помимо этого, Забродина повествует, что правительство Латвии стремится изменить закон о референдумах для усложнения процесса их проведения в дальнейшем. (Забродина 2012.)

Третьей центральной темой статей «Российской газеты» является русскоязычное образование в Латвии. Статья «Учить нельзя забыть», опубликованная в 2007-м году, делает краткий обзор итогов реформы образования 2004-го года, обязавшей школы вести не менее 60 процентов предметов на латышском языке. Местные собеседники автора констатируют, что реформа еще в процессе, а также что некоторые русские школы находятся под угрозой закрытия. (Новоселова 2007.)

Остальные статьи на тему русскоязычного образования опубликованы во второй половине нашего периода рассмотрения. Фокус статей на нововведениях, относящихся к языку образования в Латвии. Законопроекты, выдвинутые в целях полного перевода

образовательной системы на латышский язык, освещаются особенно широко. Н. Ермолаева, к примеру, пишет в статье про латвийского омбудсмена Юриса Янсонса:

Недавно избранный омбудсменом Латвии Юрис Янсонс заявил, что полный запрет школьного образования на русском языке не является нарушением прав человека.

Иными словами, он поддержал инициативу латышских неонацистов, собирающих подписи для проведения референдума о запрете преподавания на русском в местных школах. (*«Почище националистов»*, Ермолаева 2011.)

Освещая вышеупомянутые основные темы, «Российская газета» выделяет явления, указывающие на враждебность латвийской языковой политики к русскому языку и представителям русскоязычного населения. Латвийская языковая инспекция следит за людьми и наказывает их за использование русского языка. Когда общественным движениям русскоязычных жителей, наконец, удастся организовать референдум, власти ищут способы предотвращения подобных событий в будущем. Создается впечатление о том, что любые попытки улучшить позиции русского языка или русскоязычного меньшинства приводят к ответным мерам государства, а также что неграждане страны не получают гражданство, поскольку они голосовали бы за русский язык. Между тем, Сейм Латвии стремится превратить латышский в единственный допустимый язык обучения в стране.

В. М. Алпатов утверждает, что тот или иной язык распространяется или подавляется всегда, даже если власти территории или страны не применяют активные меры для того или другого. Он добавляет, что, в числе прочих, процессы подавления или распространения языка могут осуществляться и через СМИ, развитие рынка или образовательную политику. (Алпатов 2013: 8-9.)

Рассматривая статьи «Российской газеты» с такой точки зрения, мы заключаем, они передают впечатление об активных подавляющих мерах властей Латвии в отношении русского языка. В случае Латвии, описываемом в статьях, политика в области образования входит в число тех же мер. Ведь, по информации газеты, одной из важнейших целей языковой политики Латвии является вытеснение русского языка из сферы образования.

Что касается СМИ, статьи российских газет не занимают какую-либо однозначно четкую позицию об отношении латвийских СМИ к русскому языку. Развитием рынка, в свою очередь, скорее объясняется противоречивость латвийской языковой политики и подавления русского – на рынке труда знания по русскому языку считаются даже более важными, чем по латышскому. (Новоселова 2011)

Продолжая наш анализ статей «Российской газеты» с использованием теории В. М. Алпатова, мы можем догадаться, что статьи сообщают о неосуществлении потребности идентичности русскоговорящих жителей Латвии. Напоминаем, что Алпатов считает потребностью идентичности желание человека использовать свой родной язык во всех ситуациях, требующих общения. (Алпатов 2013: 8) Как сообщают статьи, чиновники и ученики в Латвии лишены возможности использовать русский язык во всех ситуациях, требующих общения. Не менее 60 процентов предметов должно преподаваться на латышском языке и Центр государственного языка наказывает за использование русского в публичном секторе. Латвия считает себя одноязычным государством, что, как мы считаем, само по себе препятствует осуществлению потребности идентичности русскоговорящих жителей.

Следовательно, мы считаем, что, по классификации Алпатова, позиция русского языка в Латвии, представленная «Российской газетой», имеет свойства регионального языка, и языка в функции бытового. Напоминаем, что Алпатов представляет региональные языки совершенно устойчивыми и имеющими письменность. (Алпатов 2013: 13-14) Однако носителям языка в функции бытового типично переключаться на государственный язык при деловых или культурных ситуациях. (Алпатов 2013: 15) Как показывает материал статей «Российской газеты», русскоязычные жители Латвии могут использовать свой родной язык только в ограниченных контекстах.

В свете теории о языковых правах человека Т. Скутнабб-Кангас (Skutnabb-Kangas et al. 1995: 2-5) позиция русского языка, согласно статьям, предстает двойственной. С одной стороны, русскоязычным жителям Латвии предоставлена возможность учиться отчасти на своем родном языке и изучать государственный язык страны. С другой, русский язык не имеет официального статуса. Языковые права представителей русскоязычной части населения Латвии далеко не реализованы.

Статьи «Российской газеты» намекают и на то, что русскоговорящие жители Латвии подвергаются так называемому лингвицизму, который Скутнабб-Кангас считает одной из форм расизма. При лингвицизме язык меньшинства считается недостатком, мешающим приобретению навыков по доминирующему языку. Язык меньшинства может также становиться «невидимым». (Skutnabb-Kangas et al. 1995: 103-106) Таким образом, меры латвийских властей, изображенные «Российской газетой», отражают лингвицизм. Русский язык, то есть язык меньшинства, считается иностранным, и людей наказывают за его использование. Языковая политика страны, по-видимому, направлена на укрепление позиции латышского языка и ослабление позиции русского языка.

4.1.1.2. Риторический подход «РГ» к Латвии: изображение «антироссийской истерии»

«Российская газета» применяет многочисленные риторические средства, показывая своим читателям латвийскую языковую политику и позицию русскоязычных жителей. Основные темы статей, представленные в предыдущей главе настоящей работы, являются ключевыми и с точки зрения риторики.

По нашим наблюдениям, «Российская газета» освещает латвийскую языковую политику способом, подчеркивающим ее самые проблемные точки с помощью обильной риторики. Риторика применяется в целях укрепления собственной позиции, критикующей ситуацию в Латвии. Одновременно позиции, поддерживающие языковую политику, либо передаются как таковые, либо без каких-либо ярких риторических средств.

Наглядным примером такой тенденции является статья «*Русский гонят из школ*» Н. Ермолаевой (2017 г.), в которой обсуждаются планы министерства образования Латвии обязать всех школьников сдавать экзамены на латышском языке. Начиная с заглавия, Ермолаева применяет разные риторические средства, поддерживающие ее позицию. Сами планы министерства, в свою очередь, представлены без особых риторических фигур:

В Минобразовании Латвии сообщили, что в 2015/2016 учебном году возможностью сдать экзамен на русском языке воспользовались 15 процентов школьников, при том что шесть лет назад таковых было порядка 40 процентов. На этом основании чиновники решили, что интерес к русскому языку у детей падает и нет необходимости поддерживать тех школьников, которые хотят учиться на русском. (Ермолаева 2017.)

Контраст является одним из самых используемых риторических средств в статьях. С его помощью авторы сопоставляют разные явления, часто представляя наглядное противоречие между ними. Типичными темами контраста в статьях являются позиция русского языка по сравнению с другими языками и отношение государства к негражданам по сравнению с его отношением к иностранцам. М. Швыдкой, например, рассказывая о юбилее Рижского русского драматического театра имени М. А. Чехова, обсуждает русскоязычное образование в Латвии:

<...> Как и 10 лет назад, латышские теоретики и практики образования предложили перевести все школы на государственный язык, начиная с первых классов в 2015 году. Таким образом, русский язык во всех школах получил бы статус иностранного и его изучали бы наряду с другими – английским, немецким или французским. Это при том, что в Латвии проживает не менее 35% граждан и не граждан, считающих себя представителями русской культуры. (Швыдкой 2013.)

Таким образом автор стремится к тому, чтобы читатель спросил себя, почему к родному языку порядка одной трети населения Латвии относятся как к иностранному. В данном случае контраст формируется вокруг противоречия между высоким числом носителей русского языка среди населения Латвии и приданием ему позиции иностранного языка.

Статья Н. Мишулина, основанная на интервью тогдашнего губернатора Кемеровской области Амана Тулеева, в свою очередь, сопоставляет ветеранов войны Советской РККА с ветеранами СС нацистской Германии:

Есть еще Латвия, власти которой прямо-таки по-сыновьи заботятся о своих престарелых нацистах, и одновременно гнобят тех, кто воевал с фашизмом. Сегодня в Латвии 25 тысяч ветеранов лишены какой-либо государственной помощи, им даже запрещено носить ордена и медали с символикой СССР. Между тем бывшие легионеры СС пользуются там рядом пенсионных, медицинских и транспортных льгот. Думаю, когда Латвия начнет ревизовать Совет Европы на предмет соблюдения там прав человека, ему придется попынтеть. (Мишулин 2006.)

Мы считаем, что в глазах среднего российского читателя аргумент Тулеева кажется действительным и убедительным. В российском контексте практически невозможно вообразить ситуацию, в которой граждане и инстанции ценили бы ветеранов СС каким-либо другим образом. Однако в Латвии, принудительно оказавшейся в составах обеих тоталитарных великих держав в 1930-40 гг. и потерявшей свою независимость на несколько десятилетий в результате Второй мировой войны, взгляды относительно ветеранов СС расходятся.

Зачастую с помощью контраста передается впечатление о вопиющей несправедливости. К русскому языку и русскоязычным жителям не относятся так, как к другим. Н. Ермолаева, к примеру, замечает, что ужесточение языковых правил в Латвии касается только русского языка вместо всех иностранных языков. («Русский гонят из школ», Ермолаева 2017) Таким же образом Е. Забродина пишет, апеллируя к жизненному опыту людей:

«Это абсурдное положение, когда иностранец – гражданин Евросоюза, прожив в Латвии полгода, может голосовать и баллотироваться на местных выборах и стать мэром города, а негражданин, родившийся в Латвии или проживший здесь 60 лет, своим трудом и налогами участвовавший в жизни страны, не может даже голосовать и выразить свое отношение к этому иностранцу. Пора восстановить справедливость», – говорят участники движения «За равные права». (Забродина 2012.)

Несправедливость и абсурдность являются ключевыми темами и в статье П. Лихоманова, которая освещает проверку, начатую Центром государственного языка из-за выступления мэра Вентспилса Айвараса Лембегса. По данным статьи, мэру грозит денежный штраф за то, что он обратился к местным театрам на русском языке. Автор сопоставляет ситуацию с тем, что в 2014-м году тот же градоначальник пожаловался Генеральному секретарю НАТО в связи с ненадлежащим поведением моряков НАТО, прибывших в город. Морякам не грозит никакой штраф несмотря на то, что они, в том числе, справляли нужду в общественных местах. (Лихоманов 2017) Таким образом, автор словно спрашивает у читателей: почему за русский язык наказывают, а за настоящие правонарушения нет?

В статьях, касающихся деятельности Центра государственного языка Латвии, применяется особенно много риторических средств. Наряду с уже упомянутым контрастом, речь идет, прежде всего, о крайних выражениях и иронических примечаниях. Статья *«Лучше на английском, чем на русском»* К. Волкова (2016 г.) служит наглядным примером использования не только крайних выражений, но и других риторических средств. Кроме уровней языка и людей, статья намекает и на враждебность латвийских властей к русской культуре с помощью крайних выражений и метафоры:

<...> Власти не только подавляют русский язык, как таковой, но и стараются загнать в тень русскую культуру. В учебниках для младших классов, например, латвийский богатырь Лачплесис давно заменил Илью Муромца. (Волков 2016.)

Используя метафору, Волков называет русские школы последней опорой русскоязычных. Вслед за тем автор перечисляет причины того, что Латвия стремится стать одноязычной страной. Причины излагаются в форме трехступенчатого списка, который является популярным риторическим средством:

Латвия поступательно добивается своего – превращает латышский язык в единственный в стране. Почему она это делает – причин несколько. Во-первых – желание отмежеваться от России, ее в Латвии боятся. «Обратите внимание, что русских в латвийских госструктурах практически нет – это тоже следствие политики государства, – считает Владимир Бузаев. – Нашим остаются органы самоуправления, туда попасть легче, мэр Риги Нил Ушаков тому пример». Другая причина – латышей мало, а значительная часть из имеющихся работает в разных странах мира. И есть опасение, что латвийский язык, который не используется нигде, кроме самой Латвии, исчезнет без господдержки. Наконец, есть и националистический «флер». (Там же.)

Кроме подавления русского языка, статья пишет и о вытеснении русского языка из публичного пространства, а также о выживании русского языка из всех сфер общественной жизни. Мы

считаем данные выражения метафорами, помогающими читателям воспринимать меры власти Латвии такими, как их видит автор статьи.

Крайние выражения применены почти во всех анализируемых статьях. По «Российской газете», в Латвии, к примеру, оппозиционеры подвергаются гонениям и внесудебным преследованиям («*Латвию подведут под трибунал*», Ермолаева 2015) и русскоязычные жители страдают от антироссийской истерии. («*Латвия не взяла языковой барьер*», Ермолаева 2012) Новости из Латвии стремятся передавать образом, обостряющим их содержание. Когда власти намереваются сделать латышский единственным языком сдачи школьных экзаменов, «Российская газета» формулирует: «Школьникам Латвии запретят сдавать экзамены на русском». (Ковалева 2017)

Временами авторы обостряют освещаемые события до такой степени, что результат становится неправдивым. О том свидетельствует, к примеру, вводный параграф статьи «*Запретили говорить по-русски*» (2015 г.):

Центр госязыка Латвии выпустил постановление, требующее от всех жителей республики говорить между собой на рабочих местах только на латышском языке.

Данное требование в первую очередь касается госслужащих и чиновников. Отныне они не имеют права общаться с посетителями на русском языке, а с журналистами вообще обязаны говорить только по-латышски. (Ермолаева 2015.)

Далее в статье раскрывается, что постановление распространяется только на публичный сектор. Иначе говоря, автор привлекает внимание читателя с помощью ложного утверждения о требовании всем жителям Латвии говорить по-латышски на рабочем месте. Опираясь на само содержание статьи, мы считаем такое утверждение умышленно ошибочным.

Мы наблюдали и применение категоризации как риторического средства. В статьях категоризируют, в основном, деятелей, выступающих против русскоязычного образования. Категоризация проявляется тем, что организаторов законопроектов или других инициатив называют неофашистами или неонацистами. Н. Ермолаева, например, критикует латвийского омбудсмана Юриса Янсонса за то, что тот не считает запрет русскоязычного школьного образования нарушением прав человека, таким образом поддерживая инициативу «латышских неофашистов». («*Почище националистов*», Ермолаева 2011) Мы полагаем, что у российских читателей упоминание фашистов или фашизма способно вызвать весьма сильные отрицательные коннотации, поддерживающие аргументацию автора.

Авторы статей «Российской газеты» иронизируют над теми или иными явлениями и пытаются высмеять их. Для этого используется саркастические примечания и порой кавычки.

Типично ирония проявляется в форме цитаты из речи того или иного официального латвийского деятеля. Н. Ермолаева, в свою очередь, обсуждает денежные штрафы Центра государственного языка, иронически называя использование русского языка преступлением:

Таким образом штраф за разговоры на русском языке на рабочем месте составит от 50 до 100 долларов, а за необеспечение перевода на публичных мероприятиях – около 200 – 400 долларов в зависимости от тяжести «преступления». (Ермолаева 2008.)

Мы считаем, что, в основном, статьи «Российской газеты» по языковой политике Латвии написаны российской аудиторией. Во-первых, «Российская газета» издается в России, будучи одной из самых крупных газет страны. Следовательно мы можем предположить, что основной целевой аудиторией являются россияне. Во-вторых, само содержание и аргументы статей указывают на то, что они написаны в контексте российской культуры. Русский язык и русскоязычные люди, проживающие в Латвии, являются главными предметами статей. Риторика, оживленная такими терминами, как неофашисты или запрет на русский язык, вообще направлена российским читателям. В западных СМИ подобную риторику гораздо труднее находить.

Следовательно, мы считаем, что аудиторией статей является особая аудитория, состоящая из российских заказчиков «Российской газеты». Напоминаем, что Х. Перельман считает особой аудиторией четко определенную группу людей, к которой адресант строит аргументы. Адресант заранее знаком с позицией заданной аудитории по разным вопросам, что помогает ему применить аргументы, направленные ей. (Perelman 2007: 20-25.)

4.1.2. Проявление языковой политики Эстонии в «Российской газете»

Языковая политика Эстонии и позиция русского языка обсуждаются всего в 11 статьях «Российской газеты». Некоторые темы встречаются неоднократно: нарушение прав русскоязычных жителей, ограничения на использование русского языка, критичное отношение ЕС к положению русскоязычного населения Эстонии, переход русскоязычных школ на эстонский язык обучения и тому подобное.

Вдобавок в статьях освещаются, в том числе, русскоязычные этикетки лекарственных препаратов и взгляды нарвских русистов по современной языковой политике. Статьи состоят из новостей, интервью и комментариев самих авторов.

Вместо самого русского языка, лежащего в основе статей «Российской газеты» на тему Латвии, статьи про Эстонию делают акцент на позиции русскоязычных жителей.

Положение русскоязычной части населения страны обсуждается, в том числе, с точки зрения обращения Совета Европы, требующего Эстонии поправить свое законодательство для обеспечения прав национальных меньшинств. (Ермолаева 2010) К тому же события 2007 года вокруг переноса так называемого Бронзового солдата освещаются через призму осуществления прав русскоязычного меньшинства. (Кантор 2007)

4.1.2.1. Представляемые «Российской газетой» результаты эстонской языковой политики

Статьи «Российской газеты» представляют слабыми позиции русскоязычного меньшинства и русского языка в Эстонии. Как и в случае Латвии, русскоязычное образование и его будущее в Эстонии освещается в особенно широком масштабе. Хотя две статьи дают надежду на улучшение ситуации, сообщая о разрешении русского языка в судебных исках и в этикетках лекарственных препаратов (Ермолаева 2016), основной тон «Российской газеты» остается пессимистичным.

По переданной «Российской газетой» информации, власти Эстонии ведут войну с правами своих русскоязычных жителей, стремясь к намеренному обострению разделения социума на два разных слоя. Статья Н. Ермолаевой «*Ни слова по-русски*» обсуждает такое явление с точки зрения перевода русских школ на эстонский язык обучения. Берется интервью у местной русскоязычной женщины, беспокоящейся о будущем своего ребенка:

«Я теперь не знаю, что делать с сыном. Он и так слабо учится. А на эстонском он и вовсе не потянет школьную программу. Все, на что мы можем рассчитывать, это то, что наш сын станет дворником или простым рабочим», – поделилась мрачными мыслями с «РГ» жительница Таллина Светлана Анохина. (Ермолаева 2012.)

Таким образом, «Российская газета» сообщает читателям, что правительство Эстонии работает активно для лишения русскоязычных детей условий для получения высшего образования. Как говорит местная женщина в интервью, создается впечатление, что из русскоязычных детей хотят сделать необразованных работяг. Активисты, выступающие за русские школы, в свою очередь, предупреждают о том, что в высших учебных заведениях будут учиться только эстонцы. (Там же.)

По теории Т. Скутнабб-Кангас о языковых правах человека, возможность учиться на родном языке и изучать официальный язык страны проживания является условием осуществления языковых прав человека. (Skutnabb-Kangas et al. 1995: 2.) В случае полного перевода русских школ на эстонский язык обучения, прогнозируемого в «Российской газете»,

языковые права человека русскоязычных детей не были бы осуществлены, так как они не могли бы учиться на родном языке.

Одновременно одна статья «Российской газеты» демонстрирует более оптимистичную позицию в форме краткого интервью. Лауреат международного Пушкинского конкурса Татьяна Торопова из города Нарва отвечает на вопрос автора статьи, касающийся возможностей русскоязычных жителей выучить эстонский язык:

Торопова

Есть хорошая интеграционная программа. Она предполагает взаимодействие русских и эстонских семей. К примеру, русские ребята живут на эстонских хуторах и учат язык с погружением. (Новоселова 2007.)

Вопрос расположен в конце интервью и вышеупомянутый ответ на него завершает всю статью. Дополнительных примеров положительных настроений об образовательной политике мы не наблюдали в статьях, касающихся Эстонии.

«Российская газета» обращает внимание и на качество русского языка, используемого русскоязычной молодежью Эстонии. По данным газеты, уровень знаний молодежи по русскому языку стал проблемой, вызванной эстонской языковой политикой и законами по языку обучения в учебных заведениях. Преподаватель гимназии из Нарвы отвечает на вопрос Е. Новоселовой о построении Эстонией мононационального и монопольного государства:

<...> Впрочем, и в нашей школе, те ребята, которые успешны в изучении всех предметов, в выпускных классах утверждают, что им все равно, на каком языке учиться: английском, немецком, русском или эстонском. Многие считают, что реформы проводятся в ущерб русскому. В седьмом – девятом классах, например, у нас остается по два часа русского и по два – литературы в неделю. Этого катастрофически мало. Наш русский, конечно, утратил сочность и красоту. Школьники с большим трудом комментируют фразеологизмы. Мало кто может продолжить такую, например, поговорку, как «Долог день до вечера...» Читают мало, и только зарубежные переводные детективы или фэнтези. (Новоселова 2013.)

Таким образом, плохие знания русской молодежи по родному языку считаются в статье результатом эстонской языковой политики, наряду с книжными предпочтениями школьников. «Российская газета» транслирует впечатление, по которому власти Эстонии не только затрудняют повседневную жизнь русскоязычных людей различными языковыми законами, но и наносят ущерб их знаниям по родному языку.

А опасно ли в Эстонии бороться за право учиться на русском языке? Таким вопросом задается Я. Юферова, автор статьи «*Спецоперация или реформа*» (2013), которая основывается на дискуссиях между разными российскими и эстонскими деятелями в международном медиа-

клубе «Импрессум», проведенном в Таллинне. (В данной работе используется написание «Таллинн» – в цитатах читатель может встретить и написание «Таллин», более принятое в России – Й. Х.) В статье освещают разные причины страха, влияющие на желание русскоязычных жителей бороться за образование на своем родном языке: служба безопасности обеспокоена активностью попечительских советов русских гимназий и приглашает их членов на допросы, ходатайства о сохранении русского языка в гимназиях не набирают популярности среди русских из-за страха прекращения финансирования государством, и тому подобное. (Юферова 2013.) Председатель попечительского совета Таллиннской Кесклиннаской русской гимназии Олег Беседин рассказывает о допросе в полиции:

Следователь просила, чтобы я признался, это не моя подпись под ходатайством. Следующий раз она обвинила нас, что мы вдвоем с Алисой решили, чтобы школа осталась русской. На самом деле голосовала вся школа, и только один человек воздержался.

Следователь говорила: подпишите, что вы виновны, тогда обойдетесь штрафом, это будет вам небольно – 500 евро. А если не согласитесь, будет 4 года тюрьмы. (Там же.)

Представленные в статье Юферовой деятели жалуются на то, что русскоязычные жители Эстонии не являются активными гражданами, голосующими на выборах и подписывающими ходатайства за позицию русского языка. Зато они дают эстонцам решить, как поступить в деле языковых вопросов. Таким образом, «Российская газета» излагает, что проблемы русскоязычного населения исходят не только из языковой политики Эстонии, но и бездействия самих представителей меньшинства. Бездействие связано с давлением от стороны властей страны.

Пессимистичный тон преобладает и в статье «*Чтобы соотечественники не остались людьми второго сорта*» Н. Мишулина (2006), обсуждающей проблему тех русских людей, которые оказались вне территории Российской Федерации с распадом СССР. Автор статьи дает голос российскому доктору политических наук, тогдашнему губернатору Кемеровской области Аману Тулееву, выступающему в защиту прав русского населения за рубежом. Тулеев критикует языковые тесты по эстонскому языку, а также проблему так называемых неграждан, проживающих в Эстонии:

Цивилизованная Европа наконец-то признала очевидное. А именно, что в Эстонии 140 тысяч русскоязычных находятся на положении людей второго сорта. У них нет шансов получить гражданство и интегрироваться в общество. Одна из причин – труднейший языковой экзамен. Представьте, если бы в России получение гражданства было жестко увязано со знанием языка, да не в таком объеме, чтобы можно было объясниться в магазине, а на уровне института. Много бы русских выдержали его, не говоря уже о приезжих из среднеазиатских или кавказских регионов! (Мишулин 2006.)

Он ссылается на называние Советом Европы проблемы неграждан расизмом. Сам Тулеев называет эстонскую политику апартеидом, уточняя, что речь идет о крайней форме расовой дискриминации, поскольку неграждане лишены ряда гражданских прав и свобод. В конце интервью он предлагает меры, с помощью которых Россия могла бы защитить соотечественников за рубежом в случае, если они не желают переехать в Россию. Перечисляются дипломатические пути, акцентирование проблемы в международных организациях и экономические средства, в том числе экономические санкции. (Там же.)

Статья Мишулина является единственной анализируемой статьей «Российской газеты», предлагающей конкретные меры по защите русскоязычных меньшинств за пределами России. Позиция русскоязычных людей без гражданства какого-либо государства в Эстонии изображается настолько слабой, что Россия должна вмешаться в ситуацию хотя бы каким-либо путем. Речь в статье идет не только о потерянных лингвистических правах негражданами, но и отсутствии некоторых из самих основополагающих гражданских прав. Язык в этом смысле является лишь одной частью проблемы.

Статьи «Российской газеты» на тему русского языка и русскоязычных жителей Эстонии изображают позицию русского языка слабой. По информации газеты, к примеру, власти страны готовы перевести все учебные заведения полностью на эстонский язык обучения, гражданская позиция за русские школы может привести к проблемам со службой безопасности и так называемые неграждане подвергаются крайним формам расовой дискриминации, не осуществляя основные гражданские права. Однако использование русского языка разрешается в достаточно широком масштабе, ведь 40 процентов предметов могут преподаваться на русском языке. Таким образом, мы считаем, что позиция русского языка, изложенная «Российской газетой», имеет свойства регионального языка и языка в функции бытового по классификации В. М. Алпатова. (Алпатов 2013: 13-15; см. 2.1. – Й. Х.)

По теории Алпатова, последней стратегией преодоления трудностей, появившихся из-за вынужденного двуязычия, является борьба за равноправие языка или изменение

государственных границ. (Алпатов 2013: 25) Статьи «Российской газеты» утверждают, что русскоязычное население Эстонии применяет эту стратегию, хотя речь, по всей видимости, не идет об изменении государственных границ. Выполнение стратегии, однако, сталкивается с проблемами, связанными с политической пассивностью населения.

4.1.2.2. Риторика статей по Эстонии: кому защищать русский и русских?

Риторика «Российской газеты» в отношении языковой политики Эстонии имеет многочисленные сходства с риторикой, примененной в статьях про Латвию. Акцент делается на проблемах русскоязычных жителей путем многообразных риторических средств и повествования.

Одним из повторяющихся в статьях риторических подходов является понятие защиты. Одни авторы обсуждают важность защиты русскоязычного образования, между тем как другие выставляют защиту русскоязычного населения на первый план. Временами понятие защиты встречается и в строчках, касающихся совместных действий Эстонии и Латвии. В. Воробьев пишет в статье «*Права по эталону – СКАНДАЛ*» (2005 г.):

<...> Стараясь на деле реализовать одну из аксиом военной тактики – лучшая защита – это нападение – латвийские и эстонские политики всеми способами стремятся искусственно дестабилизировать обстановку в российской республике Марий Эл. Отправным пунктом в антироссийской кампании стал прошедший в августе 2004 года в Таллине 4-й Всемирный конгресс финно-угорских народов. <...> В июне этого года в Йошкар-Олу приезжали послы Финляндии, Венгрии и Эстонии. Гневных разоблачений с подробностями о «катастрофическом» положении марийцев после их визита не последовало. Прозвучал единственный призыв – обеспечить равное положение марийскому и русскому языкам. Что Россия уже сделала: равное положение языков закреплено в конституции республики. (Воробьев 2005.)

Освещая вмешательство Эстонии во внутренние дела России в статье, которая обсуждает и плохое положение русскоязычного меньшинства в самой Эстонии, «Российская газета» изображает очевидное противоречие между внутренней и внешней политикой Эстонии. Передается впечатление о двойных стандартах Таллинна, пытающегося вместо своего русскоязычного меньшинства переключить внимание международного сообщества на положение финно-угорских народов в России. При этом автор комментирует требования Эстонии, Венгрии и Финляндии, объясняя читателям их необоснованность и неосведомленность.

Когда дискуссия разворачивается вокруг понятия защиты, возникают логичные вопросы: от чего или от кого требуется защита? Что или кто грозит группе людей или заданное состояние дел? Какая инстанция должна действовать в качестве защитника? Как правило, понятие защиты упоминается в статьях в отношении защиты русских школ, защиты прав национальных меньшинств или защиты русского языка.

Примечательно, что статьи «Российской газеты» не называют открыто органы или людей, от которых нужна защита. В статьях повторяются понятия защиты и защитника, но фактическая причина нужды в защите не названа. Н. Ермолаева, например, пишет о заявлении Совета Европы, требующем Эстонии поправить законы для соблюдения прав национальных меньшинств:

Русскоязычное население Эстонии, наконец, нашло себе защитника на европейском уровне. (Ермолаева 2010.)

В данном случае роль защитника несет Совет Европы в качестве наднационального органа, вмешивающегося в ситуацию. Освещение заявлений Совета Европы действует подтверждением консенсусом или заявлением эксперта, что является одним из самых популярных риторических средств, направленных на автора. (Potter 1996: 158-162) По данным статьи Н. Ермолаевой, орган, представляющий международное сообщество, соглашается с тем, что Эстония не соблюдает права своих национальных меньшинств. Это повышает убедительность аргументов автора.

Другими потенциальными защитниками прав русского языка и русскоязычного населения «Российская газета» считает, в том числе, самих русскоязычных жителей или местных активистов, профессиональные сообщества и российское государство. Возможную роль России, обсуждаемую Аманом Тулеевым (Мишулин 2006), мы представили в предыдущей главе настоящей работы.

Мы полагаем, что, согласно позиции «Российской газеты», русский язык и русскоязычное меньшинство нуждаются в защите от языковой политики правительства Эстонии. Статьи дают читателям понять, что русский язык систематически вытесняется из эстонского социума, причем русскоязычные жители страны не имеют одинаковых прав с эстонцами. Русскоязычную молодежь стремятся поставить в позицию необразованных работяг. (Ермолаева 2012) Оказывается, что защита от действий эстонских властей нужна также и вне.

Не называя откровенно, от чего или от кого именно нужна защита, «Российская газета» подкрепляет убеждение деталями и историями в качестве риторического средства.

Эффективность данного риторического средства в том, что читатель заполняет пробелы в повествовании сам, делая нужные выводы самостоятельно. (Potter 1996: 162-166) Содержание статей в целом поддерживает процесс осознания читателем того, что власти Эстонии грозят позиции русскоязычного населения и русского языка.

«Российская газета» относится к эстонской языковой политике весьма критично, что отражается наглядно в подборе слов авторов статей. Крайние выражения используются почти в каждой статье, касающейся Эстонии. В. Воробьев, к примеру, называет действия Эстонии и Латвии *борьбой* с правами русскоязычного населения. Далее в статье он добавляет, что сотни тысяч представителей русскоязычных меньшинств находятся в *катастрофическом* положении, а также что среднее образование на русском языке ликвидируется в Эстонии *повально*. (Воробьев 2005.)

Ю. Кантор называет события 2007 года в Таллинне погромами на улицах и расколом общества, ссылаясь на перенос так называемого Бронзового солдата (Монумент Павшим во Второй мировой войне – Й. Х.) с холма Тынисмяги на Военное кладбище Таллинна и последующие массовые беспорядки в городе. Заглавие статьи – *«Третья гражданская война Эстонии»* (Кантор 2007) – намекает на растущее напряжение между эстонцами и русскими. Н. Ермолаева, в свою очередь, пишет в подзаголовке статьи *«Ни слова по-русски»*, что русскоязычных детей заставят учиться на эстонском языке насильно. (Ермолаева 2012)

Крайние выражения обладают значительным потенциалом влияния на читателей. Используя, например, выражение «борьба с правами русскоязычного населения», упомянутое выше, автор способен вызвать в читателях сильные коннотации, связанные с борьбой. Обычно политикам и средствам массовой информации типично говорить о борьбе с терроризмом, борьбе с коррупцией, борьбе с безработицей. Но когда речь идет о борьбе с правами определенного этнолингвистического меньшинства, возникает впечатление о намеренной дискриминации и расизме. Разумному человеку трудно относиться спокойно или положительно к борьбе с фундаментальными правами жителей в какой-нибудь стране.

Я. Юферова утверждает в послесловии своей статьи, что эстонская политика в отношении русскоязычных жителей наносит ущерб самой Эстонии. Образ страны изображается мрачным, так как, по данным статьи, многие молодые жители покидают Эстонию. Одновременно русскоязычное меньшинство считается не ресурсом, а, скорее, угрозой национальной безопасности. Эстония закрывается и изолируется, не соответствуя нормам мультикультурализма, преобладающим в других европейских странах. (Юферова 2013.)

Таким образом, автор как будто утверждает, что другие страны воспользовались бы потенциалом своего крупного этнолингвистического меньшинства намного лучше. Эстония меркнет в сравнении с другими и действует невыгодным для себя образом. Между Эстонией и мировыми практиками образуется контраст. Юферова цитирует слова главного редактора «Учительской газеты» Петра Положевца, принявшего участие в дискуссионной площадке «Импрессум» в Таллинне:

<...> У вашего соседа, в Хельсинки, замечательная русско-финская гимназия, где практически все предметы преподаются на русском, хотя русских там проживает менее процента. А 5-процентные шведы имеют право на свой государственный язык в Финляндии. Опыт существования школ на трех языках есть в маленькой Андорре (хотя там всего 72 тыс. населения), достойная система полиязычия в Бельгии и в Швейцарии. (Юферова 2013.)

Логика и числительные, сообщает статья, не поддерживают подход эстонской языковой политики. В этом пункте читателю нетрудно сделать вывод о том, что Эстония не действует разумным образом.

Недостаток разумности или здравого смысла обсуждается в многих других статьях «Российской газеты» про языковую политику Эстонии. В данной связи ключевое утверждение газеты заключается в отвержении Эстонией разумной политики по принципиальным причинам. «Российская газета» настаивает, что Эстония возражает использованию русского языка различными способами несмотря на то, что его распространение в обществе принесло бы пользу самой Эстонии.

Когда Эстония – хотя бы в чем-то – действует образом, поддерживающим русский язык или интересы русскоязычного меньшинства, «Российская газета» делает акцент на уникальности события и медленности продвижения в лучшую сторону. Наглядным примером такой тенденции служит статья Н. Ермолаевой, освещающий перевод этикеток лекарственных препаратов на русский язык. Она пишет:

Почти 25 лет ушло на то, чтобы убедить эстонских чиновников в необходимости продавать медицинские препараты с описаниями на понятном населению языке. Но официальный Таллин долгое время на призывы правозащитников не реагировал. Не одна сотня людей пострадала из-за того, что люди не смогли разобраться в инструкциях на эстонском.
<...> «У нас много пациентов, которые владеют эстонским языком в недостаточной степени для того, чтобы понять сложные медицинские тексты. Это увеличивает риск неправильного использования лекарств», – признал министр здравоохранения и труда Евгений Осиновский в интервью эстонскому телевидению. (Ермолаева 2016.)

И в статье *«Иск по-русски»*, касающейся разрешения подачи судебных исков на русском языке, подчеркивается тот факт, что эстонская судебная система изменяется «наконец-то». (Ермолаева 2016.)

Обсуждая нововведения в таком свете, автор опять же изображает борьбу за права русскоязычного населения, проводимую в Эстонии. Министру правительства надо как будто смириться и признать, что претензии правозащитников являются обоснованными. Эстонское правительство словно признает свою вину, когда другого выхода уже нет. В глазах читателя оно показывается несговорчивым.

С точки зрения «новой риторики» Перельмана, статьи про Эстонию демонстрируют каждую из трех категорий аргументов. Квазилогические аргументы, напоминающие формальное умозаключение, применены во многих статьях «Российской газеты». Содержательным примером квазилогической аргументации мы считаем сравнение Эстонии с другими государствами, проанализированное выше. Мы полагаем, что сравнение образовательных систем Эстонии и Финляндии в качестве аргумента за русскоязычные школы в Эстонии, представленное Юферовой (2013), например, не является фактографически справедливым, учитывая, что в статье не упоминается ничего относительно отличающей Эстонию от истории Финляндии. Официальная позиция шведского языка закреплена в конституции Финляндии еще с начала независимости страны, то есть она не связана с численностью шведоязычного населения сегодня.

Примером аргумента, основанного на структуре реальности, считается так называемый скользкий уклон. (Perelman 2007: 101-102) Данное риторическое средство применяется в статье *«Ни слова по-русски»*, обсуждающей перевод русских школ на эстонский язык обучения:

«Теперь нас ждет резкий обвал успеваемости в школах. Скоро мы увидим, что в высших учебных заведениях страны учатся только эстонцы. Это приведет к еще большему расколу в обществе: ведь эстонцы будут выглядеть господствующей нацией», – говорят защитники русских школ. (Ермолаева 2012.)

Цитата демонстрирует логику скользкого уклона, по которой первый феномен приведет ко второму, который приведет третьему, и тому подобное.

Та же статья аргументирует отрицательные последствия перевода школ на эстонский язык и с помощью примера. Аргументы данного рода относятся к аргументам, способствующим воссозданию структуры реальности. Автор статьи пишет про родителей русскоязычных семей:

Что-то изменить в судьбе сына женщина не может. Ведь без знания эстонского языка ее ребенок не освоит базовые школьные предметы, необходимые для поступления в профессиональные или высшие учебные заведения.

Таких родителей, как Светлана, в Эстонии тысячи. (Ермолаева 2012.)

Таким образом, мать одной русскоязычной семьи словно говорит устами тысяч других семей, оказавшихся в аналогичной ситуации. Отрицательная цепь событий спровоцирована эстонской языковой политикой.

4.2. «Известия»

Анализируемые статьи газеты «Известия» опубликованы в промежутке между 2004 и 2017 годами. Две из всех 16 статей посвящено Эстонии, а 14 остальных – Латвии. В число авторов статей «Известий» входят Илона Виноградова, Константин Волков, Александр Гафин, Диана Гринблат, Максим Кронгауз, Дмитрий Лару (четыре статьи), Юрий Мацарский, Илзе Мяги, Ольга Тропкина, Ксения Фокина, Анна Халитова, Кристина Худенко (три статьи) и Елена Шестернина (две статьи).

Как мы можем заметить по соотношению между статьями по Латвии и Эстонии, «Известия» освещает языковую политику Латвии более тщательно. Нам трудно дать оценку относительно того, с чем это связано. По всей вероятности, данное соотношение статей не исходит из сознательного решения редакции газеты, а скорее связано со случайностью. Референдум 2012 года в Латвии, например, объясняет дисбаланс только частично, являющийся предметом пяти из 14 статей. В любом случае далее мы проанализируем статьи по языковой политике обоих государств по тому же принципу.

4.2.1. Изображение языковой политики Латвии в статьях «Известий»

Статьи газеты «Известия», обсуждающие языковую политику и позицию русского языка в Латвии в анализируемом промежутке времени, сосредоточены на двух главных темах. Пять из 14 статей освещают референдум 2012-го года по приданию русскому языку официального статуса. Русскоязычное образование в Латвии и его будущее, в свою очередь, является темой не менее четырех статей. Другими конкретными примерами содержания статей упоминаются проблемы мэра Риги Нила Ушакова с языковой инспекцией и рекомендации Латвии от ООН по решению проблем неграждан.

Многие статьи содержат интервью или комментарии и оценки самого автора. Как правило, интервью берут у русскоязычных жителей Латвии или местных русскоязычных активистов. Представляются, например, президент латвийской национальной комиссии «Западные русские» Дмитрий Николаев и лидер общества «Родной язык» Владимир Линдерман. Статьи представляют собой и ссылки к взглядам политиков, представляющих правительственную позицию Латвии, но главную роль играют люди, поддерживающие укрепление позиции русского языка и прав русскоязычного меньшинства.

4.2.1.1. Проблематичная языковая политика: как сохранить русский язык в Латвии?

Газета «Известия» делает особый акцент на русскоязычное образование и статус русского языка. Освещая данные главные темы, статьи обсуждают и позицию русскоязычного населения Латвии и его проблемы. Почти все авторы статей намекают на отсутствие полных языковых прав русскоговорящих жителей и дискриминацию. В частности, это отражено в статьях про русскоязычные школы:

– Мы сейчас начнем беседовать с директорами и педагогами отдельных школ о том, чтобы провести всеобщую забастовку в Латвии. Давление на русскоязычную общину с каждым годом только усиливается, увольняют и штрафуют все больше русскоязычных учителей. По данным министерства образования, только в Риге до 2015 года закрыли 20 таких школ. Требуются активные действия, чтобы образование на русском не стало лишь воспоминанием из прошлого, – сказал «Известиям» Янис Кузине. (Лару & Гринблат 2017.)

Равным образом Е. Шестернина изображает неравную позицию русских школ:

Спортзал. Стадион. Со стадионом, правда, получилась промашка. Директор несколько месяцев выбивал деньги на постройку забора вокруг школы. Пришли замерщики. Замеряли. В результате вышло, что забор пройдет аккурат посередине стадиона. Решили повременить – опять ждут замерщиков. Зато появилась новая забота – выбить деньги на замену окон. В соседних школах окна уже поменяли. (Шестернина 2004.)

Статья, обсуждающая увольнение латвийского преподавателя Георга Куклиса-Рошманиса, выступавшего за русский язык в Латвии, предупреждает читателей о том, что определенные мнения могут иметь роковые последствия для гражданина Латвии:

Как рассказал «Известиям» сам преподаватель, руководство академии намерено осенью уволить его за активную гражданскую позицию.

Куклис-Рошманис вкратце пересказал «Известиям» беседу с заместителем директора академии по учебной и воспитательной работе Сармитой Домбровской, из которой следует, что руководство вуза не устраивает позиция преподавателя, выступающего в защиту русского языка в Латвии, и его участие в памятных акциях, посвященных Дню Победы. При этом Домбровская, по словам Куклиса-Рошманиса, упирала на то, что приоритетом внешней политики Латвии является ориентация на США и НАТО, а вовсе не на поддержание хороших отношений с Россией. (Мацарский 2012.)

Вышеупомянутые отрывки из статей «Известий» моделируют реальность, в которой русскоязычное население Латвии непрерывно подвергается дискриминации по этнолингвистическому признаку и вытеснению своего родного языка из разных сфер жизни. По содержанию статей читателям нетрудно сделать вывод о том, что русскоязычные жители Латвии лишены полных языковых прав.

Как мы упомянули раньше, многие лингвисты обсуждают такую же проблематику в своих работах. По классификации Рубио-Марин, языковые права человека представляют собой интересы двух разных типов. Экспрессивные интересы касаются безопасного языкового окружения, функционирующего на родном языке человека. Под инструментальными интересами, в свою очередь, понимается обеспечение беспрепятственного участия человека в публичных институциях, демократическом процессе и других сферах, требующих лингвистических квалификаций. (Rubio-Marin 2003: 56.)

По «Известиям», языковые права человека русскоязычного населения Латвии далеко не осуществлены в полном объеме. Вместо безопасного русскоязычного окружения людей штрафуют за использование родного языка. Между тем как количество русскоязычных учебных заведений все сокращается, пропорция предметов, преподаваемых на родном языке учеников, сокращается в таком же темпе. Русский язык считается иностранным языком несмотря на многочисленные попытки общественных движений придать ему статус второго государственного или хотя бы регионального языка. Скутнабб-Кангас излагает, что отсутствие признанного официального статуса языка меньшинства связано с неосуществлением лингвистических прав рассматриваемого меньшинства. (Skutnabb-Kangas et al. 1995: 2-5)

В нескольких статьях «Известий» проявляется и противопоставление латышей и русских. Референдум 2012 года по статусу русского языка изображается как событие, воплощающее разделение общества на две общины. При этом представители разных обществ и движений, выступающих за русский язык в Латвии, рассказывают о своей воле продолжить

свою работу несмотря ни на что. Передается представление о постоянной борьбе за статус русского языка, в которой противниками являются латыши:

Никто не сомневался, что закон о втором языке не пройдет – русских граждан в Латвии не так много, 290 тыс. неграждан голосовать не могут, а подавляющее большинство латышей против идеи двуязычия. Но сам факт внесения такого вопроса на голосование уже до предела накалил противостояние двух общин Латвии.

<...>

По мнению Линдермана, результаты показали, что никакой интеграции не произошло. Например, во втором по величине городе Латвии Даугавпилсе за русский язык высказались почти все жители, а значит, языковую политику в отношении этого региона придется перестраивать. (Волков 2012.)

В статье К. Худенко «Русская атака в Риге», опубликованной в преддверии того же референдума 2012 года, в свою очередь, подчеркивается позиция русских как граждан второго сорта. По данным статьи, к примеру, воспитательницам в детских садах принято пугать расшалившихся детей отправлением в русскую группу. (Худенко 2011.)

По «Известиям», разделение населения Латвии не ограничено языковыми вопросами. Расходятся и восприятия латышей и русских об истории страны. Елена Шестернина берет интервью у преподавателей и учащихся Рижской Пурвциемской школы для своей статьи про реформу образования:

В девятом классе между тем как раз закончился урок истории. Проходили Крымскую войну. До XX века пока не дошли. Но мой вопрос о том, считают ли они события 1940 года оккупацией Латвии, понимают все. «Никакой оккупации не было!» – раздаются крики с задних рядов. (Шестернина 2004.)

Мы считаем, что представляемый «Известиями» статус русского языка в Латвии имеет свойства регионального языка и языка в функции бытового. (Алпатов 2013: 10; см. 2.1. – Й.Х.) Хотя русский язык имеет продвинутую письменность, у него нет официальной позиции в стране. По «Известиям», использование русского языка в Латвии разрешается в определенном объеме, но процесс его вытеснения из сфер образования и публичного сектора продолжается и даже ускоряется.

4.2.1.2. Риторика по латвийской языковой политике: а вы за или против русского языка?

Первая черта статей «Известий» по Латвии, привлекающая наше внимание с точки зрения риторики и отличающая от статей по Эстонии, – это представленность в нескольких статьях официальной латвийской позиции наряду с высказываниями русскоговорящих жителей и

движений. Вдобавок встречается собственный голос автора статьи, либо рассказывающий своими словами о латвийской позиции, либо изображающий какое-то положение дел с внешней точки зрения вместо чистого повторения взглядов местных русскоговорящих жителей, типичного для значительной части анализируемого материала. И. Виноградова, к примеру, пишет в статье про съезд защитников русских школ 2004-го года:

А вот на психологическом уровне сложнее: некоторые русские еще не приняли, не осознали, что живут в латышском государстве. Про Россию даже между собой говорят «у них», по-русски разговаривают с акцентом, по-латышски – кто очень хорошо, кто с ошибками, но в основном язык титульной нации понимают. Однако когда государство, преследуя свои национальные интересы (а чьи интересы ему, собственно, преследовать?), вводит в русскоязычных школах систему обучения 60% на 40%, это вызывает всплеск негативных эмоций и обвинений латвийского государства в нарушении прав человека. (Виноградова 2004.)

Мы считаем, что собственный голос автора в данном случае поддерживает и повышает ее убедительность в глазах читателя. Изображая развитие события не с одной точки зрения, статья передает читателям впечатление о ее нейтральности и беспристрастности. Таким образом, представление взглядов разных сторон увеличивает убедительность статьи.

Однако в статьях зафиксирован и очевидный акцент на взглядах русскоговорящего населения Латвии, типичный для всего анализируемого материала. С одной стороны, такую тенденцию можно объяснить стихийной заинтересованностью российских читателей в делах и позиции соотечественников, оказавшихся за рубежом после распада СССР. Многие россияне имеют и семейные связи с жителями независимой Латвии. С другой стороны, российское государство выражало озабоченность позицией русскоговорящих меньшинств в ближнем зарубежье неоднократно, что влияет и на позиции крупных российских газет.

В статьях «Известий» по латвийской языковой политике применяется целый ряд различных риторических средств. Разоблачительным примером метафоры как риторического средства является заглавие статьи Е. Шестерниной «Спор вокруг реформы образования в Латвии может привести к этническому конфликту. «Школы – наши Сталинград»» (Шестернина 2004.). Упоминание Сталинграда в заглавии статьи вызывает у российских читателей прямые коннотации, связанные со Второй мировой войной. Если читатель не знаком с положением русскоязычного школьного образования в Латвии, то заглавие статьи объясняет одним выражением, о чем, с точки зрения автора, идет речь. Как мы упомянули в третьей части данной работы, типичное использование метафор заключается в представлении нового для аудитории явления с помощью чего-то известного. (Aro 1999: 45.)

В число других примененных в статьях риторических средств входит, в том числе, сравнение: акции школьников, организованные в поддержку русскоязычного образования, сравниваются с акциями против апартеида, прошедшими в ЮАР в 1980-х годах. (Шестернина 2004.)

Крайние выражения и контраст встречаются во многих статьях. Напоминаем, что с помощью крайних выражений автор может выделить желаемую черту объекта изображения. При этом речь идет о максимизации или минимизации черты или положения дел. (Potter 1996: 187.) Сила контраста, в свою очередь, заключается в противопоставлении двух позиций. Первая позиция, например, может изображаться исключительно положительными понятиями, а вторая – отрицательными. (Jokinen et al. 2016: 365.)

Оба риторических средства наглядно применены в статье К. Худенко «*Русская атака в Риге*», освещающей настроения разных деятелей в преддверии референдума 2012 года по статусу русского языка. Худенко пишет:

Вообще-то если референдум и состоится (для этого надо собрать 154 379 подписей – от 10 % граждан), он заранее обречен: редкий латыш проголосует за равноправие языков, а значительная часть русских жителей Латвии – неграждане, а потому в референдуме участвовать не могут. Тем не менее латышские СМИ переполнены истерическими воплями о неминуемой смерти латышского языка, ровно как и его носителей. (Худенко 2011.)

Автор противопоставляет два варианта референдума, создавая резкий контраст между ними. Голос за придание официальной позиции русскому языку представляется как голос за равноправие языков, а противоположный вариант соединяется с преувеличением латышскими СМИ отрицательных последствий победы первого варианта. При этом автор использует крайние выражения «обречен» и «истерия» в целях укрепления повествования. Статья передает изображение об истерике в латышских СМИ даже от предварительной перспективы официальной позиции русского языка в стране.

Статья К. Худенко служит примером использования разных квазилогических аргументов, перечисленных Х. Перельманом. Под квазилогическими понимают аргументы, внешне напоминающие формальное умозаключение. (Perelman 2007: 62-88; см. 3.1.2. – Й. Х.). Перельман утверждает, что в квазилогической аргументации противоположные собственной позиции аргументы редко представляют убедительно. (Там же.) Мы считаем обращение внимания читателя на заявления лидера национальной партии «*Visu Latvijai!*» (рус. «Все для Латвии!») Райвиса Дзинтарса наглядным примером данного явления:

В пику действиям Линдермана лидер национальной партии Visu Latvijai! Райвис Дзинтарс опубликовал открытое письмо в адрес нацменьшинств, в котором попытался объяснить, что смысл существования государства Латвии – холить и лелеять латышский язык и культуру, а если кто-то думает иначе, то ему «было бы проще найти счастье на земле своих предков», что только в латышской Латвии может быть дружба между представителями разных этносов и разных идентичностей... (Худенко 2011.)

Квазилогические аргументы использованы и другими авторами. Д. Лару упоминает «рост напряженности вокруг использования русского языка в Латвии», интервьюируя чешского депутата Европейского парламента Йиржи Машталку по поводу языковых прав русскоязычных жителей Латвии. (Лару 2017.) Что оправдывает термин «рост» в данном контексте? Каким методом измерения зафиксирован такой рост напряженности? По Перельману, утверждение без использования настоящих методов измерения является типичным свойством квазилогической аргументации. (Perelman 2007: 62-88.) Примечательно, что оно относится и к квантификации в качестве риторического средства. (Jokinen et al. 2016: 358.)

Наряду с квазилогическими аргументами в статьях встречаются и остальные два типа аргументации по классификации Перельмана. Лидер партии «Русский союз Латвии» Мирослав Митрофанов рассказывает в статье:

– Мы также хотим обратиться за поддержкой к представителям Брюсселя и Германии, которая является гарантом стабильности ЕС. Евросоюз не регулирует использование языков в странах-участницах, но действия латвийских властей полностью противоречат европейской политике многоязычия. Ведь ни Берлин, ни Брюссель не заинтересованы в том, чтобы в Евросоюзе устраивали гонения на нацменьшинства. Индивидуальные обращения мы также намерены направить в Европейский суд по правам человека в Страсбурге (суд принимает обращения только от физических лиц. – «Известия»), отметил Мирослав Митрофанов. (Лару 2017.)

Мы считаем заявление Митрофанова типичным примером использования скользкого уклона, относящегося, по классификации Перельмана, к аргументам, основанным на структуре реальности. Напоминаем, что под скользким уклоном понимается аргумент, утверждающий, что действие «А» автоматически приведет к действию «Б», которое приведет к действию «В», и так далее. (Perelman 2007: 101-102.) Используя выражение «гонения на нацменьшинства», Митрофанов намекает на дальнейшее ухудшение позиции русскоязычных жителей Латвии в виде активных репрессивных действий от стороны латвийских властей. Читателю передается

впечатление, по которому наднациональные органы должны вмешаться в ситуацию для обеспечения прав и безопасности русскоязычного меньшинства.

Аргументация, способствующая воссозданию структуры реальности, является последним типом аргументов по Перельману. Типичным аргументом данной категории Перельман называет аргументацию с помощью примера. (Perelman 2007: 60-61; 120.)

Некоторые авторы «Известий» применяют данное риторическое средство в своих статьях про Латвию. Мы считаем, что аргументация с помощью примера отражена в самих темах статей. Имеется в виду, что вместо единого аргумента, сам выбор темы той или иной статьи сделан в целях ее использования в качестве примера. Освещая проблемы, испытываемые конкретными русскоязычными жителями в Латвии, «Известия» намекает на необходимость изменений. Таким образом, темы статей сами по себе могут служить примерами того, почему нужны меры для улучшения позиции русскоязычных жителей и русского языка. В таком плане газета «Известия» аргументирует выбором тем своих статей за изменения в Латвии.

4.2.2. Языковая политика Эстонии в статьях газеты «Известия»

Газета «Известия» освещает языковую обстановку Эстонии в двух статьях за 2004 и 2008 годы. Первая статья передает читателям новости из Голландии, где президент России Владимир Путин встретился втайне со своим эстонским коллегой Арнольдом Рюйтелем. По данным статьи, главы государств обсудили ряд вопросов, касающихся эстонско-российского сотрудничества, на пороге вступления Эстонии в Европейский союз. Основным содержанием статьи, представленным и в заглавии, являются конфиденциальные данные о возможном придании русскому языку официальной позиции в Эстонии. (Мяги 2004.)

Вторая статья обсуждает изменение языкового законодательства Эстонии летом 2008 года. По данным статьи, любые удостоверения о знании эстонского языка, выданные до 1999 года, считаются недействительными. Вдобавок жителям Эстонии, не окончившим эстонскую школу, приходится заново сдавать экзамен на знание эстонского, чтобы устроиться на новую работу. В статье представляют некоторых русскоязычных жителей Таллинна, сталкивающихся с проблемами, связанными с языком. Обсуждаются, в том числе, разделение населения на две разные общины, закрытие русских школ, проблема так называемых неграждан и тому подобное. (Фокина 2008.)

4.2.2.1. «Известия» об эстонской языковой политике: политика двойного общества

«Известия» обращает внимание своих читателей на позиции русского языка и русскоговорящей части населения в Эстонии. Отсутствие официальной позиции русского языка представляется как нечто, противоречащее фундаментальным правам русскоязычных жителей страны. Читатели узнают, что Россия беспокоится о развитии событий в Эстонии:

На карту поставлены судьбы русскоязычных жителей Эстонии. Россия готова пойти на определенные компромиссы, экономически выгодные для Эстонии, в случае, если Эстония кардинально пересмотрит нынешний статус русских в стране. В чем заключается этот кардинальный пересмотр – пока неизвестно. Но, по конфиденциальной информации, речь шла о том, чтобы русский язык стал вторым государственным со всеми вытекающими отсюда последствиями и привилегиями. (Мяги 2004.)

По «Известиям», жизнь русскоязычной части населения становится тяжелее день за днем. Ключевой частью этого процесса является ужесточающееся эстонское языковое законодательство, включая языковые тесты и постепенный переход русскоязычных учебных заведений на эстонский язык обучения. Образ русскоязычного образования в Эстонии показывается мрачным:

Все учителя русских школ в Эстонии предпенсионного возраста. Значит, скоро учить детей будет некому. Ведь в Эстонии нет ни одного вуза, где бы готовили русскоязычных учителей физики, химии, географии, истории... Кстати, все учебники в русских школах – переводные кальки эстонских аналогов. Историю русским детям преподают по учебнику Марта Лаара, в котором особое значение уделяется «советской оккупации» – к вопросу о том, почему у многих русских нет желания интегрироваться. (Фокина 2008.)

Мы считаем, что статьи газеты «Известия» по языковой политике Эстонии передают впечатление о неосуществлении языковых прав человека русскоязычных жителей страны. Напоминаем, что, по Скутнабб-Кангас, для осуществления языковых прав человека требуется возможность учиться на своем родном языке и изучать хоть один официальный язык страны. (Skutnabb-Kangas et al. 1995:2.) «Известия» утверждает, что число русских школ и гимназий продолжается сокращаться, что представляет собой угрозу русскоязычному образованию и языковым правам самого многочисленного этнического меньшинства Эстонии. В отличие от советских времен, языковая политика страны посвящена продвижению и защите официального эстонского языка.

Фокина описывает в своей статье русскоязычную семью, в которой дочь ходит в эстонскую школу, таким образом имея и русских и эстонских друзей. Автор называет данную историю вырыванием из замкнутого круга вынужденной моноэтничности. Далее журналист беседует с министром по делам народонаселения Урве Пало:

Чтобы понять, как эстонские власти ведут диалог с «меньшинствами», отправляюсь к министру по делам народонаселения Урве Пало. Очаровательной белокурой Урве проще изъясняться по-английски, но она любезно соглашается говорить со мной по-русски, извинившись, что знает его плоховато.
– Практики мало, – сетует моя собеседница. – А вообще у нас установка: каждый говорит на своем языке, и все понимают друг друга. Правда, иногда нам сложно найти слова. (Фокина 2008.)

Комментарий эстонского министра намекает на то, что в Эстонии потребность взаимопонимания оценивается высоко. По теории В. М. Алпатова, потребностью взаимопонимания понимается желание всех участников той или иной ситуации понимать друг друга несмотря на то, какой язык им родной. (Алпатов 2013: 10.) Потребность взаимопонимания является важным для полиэтнических стран, в которых все жители не говорят на одном и том же родном языке.

Напоминаем, что В. М. Алпатов обсуждает в своей теории разные стратегии преодоления трудностей, возникших с вынужденным двуязычием. Одной из стратегией является отказ от потребности взаимопонимания и замыкание в собственной национальной общине. (Алпатов 2013: 25.) По данным статьи, русскоязычные жители прибегают к данной стратегии, но поступают так не по своей воле. Таким образом, газета «Известия» излагает, что русскоязычное население Эстонии вынуждено замкнуться в своей собственной национальной общине. Выход, по-видимому, существует, и он связан с возможностью детей ходить в эстонскую школу.

По классификации языков меньшинства Алпатова, (Алпатов 2013: 13-15.) мы считаем, что позиция русского языка в Эстонии, изображенная в статьях «Известий», имеет свойства регионального языка и языка в функции бытового так же, как и позиция русского языка в Латвии. С одной стороны, русский язык употребляется в многих частях Эстонии активно. С другой, он не имеет официальной позиции. Русский язык используется в школах, но его судьба в будущем остается неясной. Потребность идентичности русскоговорящего меньшинства не осуществлена, поскольку его представители не могут использовать свой родной язык во всех ситуациях, требующих общения.

4.2.2.2. Российская риторика «Известий» в отношении языковой политики Эстонии

Статьи газеты «Известия» написаны с очевидно российской точки зрения. По содержанию статей мы считаем высокой степень принадлежности авторов к России и ее внешнеполитической позиции. Акцент делается на проблемах русскоговорящих жителей Эстонии и проблематичной позиции русского языка. Вдобавок статья Мяги даже представляет конкретную российскую позицию в переговорах между президентами России и Эстонии. В отличие от эстонской позиции, авторы статей разделяют российскую позицию. Главной целевой аудиторией статей мы считаем российских читателей.

Мы отметили несколько конкретных риторических средств, поддерживающих утверждения авторов. Болезненные для взаимоотношений двух стран темы перечисляются в форме трехступенчатого списка: речь идет о вступлении Эстонии в ЕС и НАТО, регистрации Эстонской православной церкви Московского патриархата и статусе русскоязычных жителей страны. (Мяги 2004.) Вступление в западные институции рассматривается как нечто, полностью изменяющее отношения между Эстонией и Россией и отменяющее большую часть межгосударственного сотрудничества:

Россия, просчитывая для себя последствия присоединения Эстонии к ЕС, готова пойти на некоторые уступки, чтобы сохранить «добрососедские отношения» для хотя бы экономического сотрудничества. (Там же.)

Статья Мяги прибегает и к категоризации и крайним выражениям. Президенты Эстонии и России называются «бывшим секретарем ЦК КПЭ и бывшим офицером КГБ», что, как нам кажется, направлено российским читателям, знакомым с поздней историей СССР. С помощью такой категоризации автор напоминает читателям о том, что в недавней истории Эстония входила в состав СССР вместе с Россией. В статье использованы такие выражения, как «радикально изменить статус русскоязычных жителей», «судьбы русскоязычных жителей» и «кардинально пересмотреть нынешний статус русских в стране». (Там же.)

Статья Фокиной (Фокина 2008) знакомит читателей с жизнью некоторых русскоязычных жителей Эстонии. Главной темой этих интервью являются проблемы, связанные с использованием русского языка. Андрей Красноглазов и Инга Мангус из таллиннского Института Пушкина, к примеру, рассказывают о стагнации русскоязычного образования. Приводится пример: школьница Маша учится в эстонской школе, в отличие от других русских детей. Семье Маши приходится приглашать на день рождения две отдельные группы гостей, потому что эстонские дети не хотят отмечать праздник с русскими детьми.

Такие истории служат примерами, с помощью которых автор статьи доказывает суть проблематичной жизни русских в Эстонии. Заглавием статьи Фокиной является «*Почему Таллин боится всего русского?*», что подходит и к самому содержанию. По классификации Перельмана, аргументация с помощью примера входит в аргументы, способствующие воссозданию структуры реальности. (Perelman 2007: 60-61; 120.)

В статье Фокиной зафиксирована и аргументация, основанная на структуре реальности. Напоминаем, что, по Перельману, она основывается на параллельных и последовательных связках между разными факторами реальности. Примером последовательных связей является причина и следствие. (Perelman 2007: 93.) Аргументом данного рода мы считаем намек Фокиной на то, что отсутствие желания интегрироваться в эстонский социум многих русских связано с эстонскими учебниками истории, называющими советский период страны оккупацией. (Фокина 2008.)

Кроме упомянутых выше наблюдений, статьи намекают на то, что к русским относятся как неполноценным членам общества. Фокина формулирует:

Половина, если не больше, водителей такси в Таллине – русские. В основном это интеллигентные мужчины за 45 с высшим образованием. Как правило, дети военных, оставшихся здесь после развала Союза, или специалистов, которые отстраивали Эстонию после войны. (Фокина 2008.)

Повествование данного типа относится к риторическим средствам, направленным на аргумент. А точнее, речь идет об убеждении деталями и историями. (Potter 1996: 117-118.)

Цитата демонстрирует эффективность данного риторического средства: читателям передается впечатление о том, что русские не могут реализовать свой потенциал в Эстонии, даже если они имеют высокие квалификации.

Заключение

Во введении настоящей работы мы поставили себе основную цель узнать, каким образом крупные российские газеты «Российская газета» и «Известия» изображают языковую политику двух прибалтийских стран – Латвии и Эстонии. Одновременно мы намерились выяснить, какими риторическими средствами репрезентация языковой политики двух стран производится в статьях газет. В заключение мы подводим итог нашему исследованию: какова та репрезентация, созданная двумя газетами?

Мы обнаружили, что «Российская газета» и «Известия» применяли многочисленные конкретные риторические средства, освещая события Латвии и Эстонии, связанные с языковой политикой. Наш методологический выбор – отыскать конкретные риторические средства на базе теорий дискурс-анализа и «новой риторики» Х. Перельмана – оказался удачным и плодотворным подходом. В первую очередь, риторика газет послужила средством для критики языковой политики, проводимой в странах. Таким образом, главной чертой статей «Российской газеты» и «Известий» явилось осуждение языковой политики Латвии и Эстонии. Основное внимание газет было уделено проблемам, испытываемым представителями русскоязычных меньшинств двух стран, а также позиции русского языка.

Проблема неграждан, то есть жителей Латвии и Эстонии без гражданства какого-либо государства, заняла центральную роль в изображении проблем русскоязычных людей. Авторы статей не забывали упоминать, что данное положение дел считалось проблемой и органами международного сообщества. Статьи газет намекали и на то, что русскоязычных людей считают в Латвии и Эстонии так называемыми гражданами второго сорта, что отразилось, к примеру, в том, что представителям национального меньшинства очень трудно занять высокий пост в государственном аппарате. Создалось впечатление о том, что права русскоязычных людей в двух странах не осуществлены. В этой связи газеты использовали и термин «расизм».

Языковая политика Латвии и Эстонии изображалась почти исключительно на фоне позиции русского языка. Статьи газет создавали впечатление, по которому латыши и эстонцы стремятся избавиться от русского языка раз и навсегда. Образовательные учреждения и планы исключить возможность учиться на русском языке освещались в значительном объеме. По газетам, власти того и другого государства отказались придать русскому языку позицию выше, чем иностранный язык. Наоборот, в Латвии начали штрафовать сотрудников публичного сектора за использование русского.

Во многом главные темы позиций русскоязычных жителей и самого русского языка переплетались. Стремление превратить образовательную систему в одноязычную, например, влияло на повседневную реальность русскоязычных жителей, опасаящихся падения успеваемости своих детей из-за прекращения использования родного языка. Зачастую само отсутствие признанной позиции языка вызывает проблемы именно в жизни людей, для которых он является родным. «Российская газета», к примеру, рассказала читателям о планах Эстонии перевести этикетки лекарственных препаратов на русский язык для безопасности пациентов, не владеющих эстонским в достаточном объеме. До тех пор их наличие исключительно на эстонском языке определялось непризнанной позицией русского языка.

Мы считаем аргументацию обеих газет на тему языковой политики Латвии и Эстонии достаточно односторонней. Как мы изложили в нашем анализе, проанализированный нами материал содержит, например, обманчивое заглавие и всестороннее обострение предметов обсуждения. Газеты сосредотачиваются пристально на точке зрения активистов русскоязычных меньшинств и самих российских авторов статей, выделяя самые проблемные точки. Интервью берут у представителей латвийской или эстонской позиции крайне редко, что приводит к неравноправию позиций.

Тем самым мы не утверждаем, что аргументация «Российской газеты» и «Известий» является ложной или недостоверной. Газеты представляют и убедительные и обоснованные позиции, критикующие языковую политику двух стран. В данном отношении высказывание мэра Риги Нила Ушакова по поводу штрафа за русскоязычные записи в социальной сети Facebook служит ярким примером:

«Дело не в сумме штрафа, дело в принципе. Вы себе можете представить, чтобы во Франции оштрафовали мэра Парижа за то, что мэрия города в «Твиттере» пишет не только на французском, но и еще и на английском или немецком языках? Такое даже в голову прийти никому не может», – написал Ушаков в Facebook. («*Право на русский*», Ермолаева 2017.)

Крупные газеты «Российская газета» и «Известия» влияют на то, какой российские читатели видят языковую ситуацию в своем ближнем прибалтийском зарубежье. Обе газеты выбрали позицию, выделяющую самые проблемные точки ситуации, корни которой находятся в первой половине 20 века и потере государственной независимости Латвией и Эстонией. Асимметричная двуязычность советских времен, при которой от латышей и эстонцев требовали двуязычность, заменилась противоположной политикой, стремящейся к усвоению латышского или эстонского языка русскоязычными жителями. До сих пор населения Латвии и Эстонии остаются преимущественно разделенными по этнолингвистическим чертам.

Вопросы о языке и масштабном национальном меньшинстве не покинули повестку дня в Латвии и Эстонии.

Исходя из вышеупомянутых факторов, мы предполагаем исследовать репрезентацию языковой политики Латвии и Эстонии в разных контекстах и в будущем. Наш период рассмотрения ограничился 2017 годом, после которого важные и значительные события уже имели место в обеих странах. Риторический анализ является адекватным и объективным средством исследования разных материалов, что способствует возможности анализа и других СМИ: телепередач, заявлений политиков, художественных творений. Языковая политика остается ключевой и до конца не решенной частью политической жизни и в других бывших союзных республик СССР. Следовательно, мы считаем крайне интересными перспективы исследования репрезентации языковой политики других стран в российских СМИ. Конкретно, сравнительный анализ между статьями украинских и российских газет на тему языковой политики Украины, например, мог бы оказаться захватывающим.

Библиография

Первичные источники

- Богданов, Владимир. 2005. «Латом по языку – КОНФЛИКТ». *Российская газета* 24.12.2005
- Виноградова, Илона. 2004. ««Латвийское государство не обязано воспитывать граждан Российской Федерации»». *Известия* 6.3.2004
- Волков, Константин (и др.). 2012. «Русскому слону не дали растоптать латышскую мышь». *Известия* 20.2.2012
- Волков, Константин. 2016. «Лучше на английском, чем на русском». *Российская газета* 25.2.2016
- Воробьев, Владислав. 2005. «Права по эталону – СКАНДАЛ». *Российская газета* 8.12.2005
- Выжutowич, Валерий. 2014. «Можно ли добиться равноправия?». *Российская газета* 4.8.2014
- Гафин, Александр. 2012. «Кому выгоден референдум». *Известия* 17.2.2012 (МНЕНИЕ)
- Ермолаева, Надежда. 2008. «Рот на замок». *Российская газета* 12.12.2008
- Ермолаева, Надежда. 2010. «Эстонии дали совет». *Российская газета* 4.3.2010
- Ермолаева, Надежда. 2011. «Почище националистов». *Российская газета* 7.6.2011
- Ермолаева, Надежда. 2011. «Второе место пусто не бывает». *Российская газета* 21.12.2011
- Ермолаева, Надежда. 2012. «Ни слова по-русски». *Российская газета* 10.2.2012
- Ермолаева, Надежда. 2012. «Латвия не взяла языковой барьер». *Российская газета* 20.2.2012
- Ермолаева, Надежда и Фещенко, Виктор. 2012. «Из долговой ямы с гастролями». *Российская газета* 12.7.2012
- Ермолаева, Надежда. 2015. «Запретили говорить по-русски». *Российская газета* 20.1.2015
- Ермолаева, Надежда. 2015. «Латвию подведут под трибунал». *Российская газета* 29.9.2015
- Ермолаева, Надежда. 2016. «Понятная пилюля». *Российская газета* 29.4.2016
- Ермолаева, Надежда. 2016. «Родной язык уже не нужен». *Российская газета* 23.11.2016
- Ермолаева, Надежда. 2016. «Иск по-русски». *Российская газета* 23.12.2016
- Ермолаева, Надежда. 2017. «Мэр Риги против полиции». *Российская газета* 9.2.2017

- Ермолаева, Надежда. 2017. «Право на русский». *Российская газета* 16.3.2017
- Ермолаева, Надежда. 2017. «Непонятная пилюля». *Российская газета* 17.5.2017
- Ермолаева, Надежда. 2017. «Разговор не по карману». *Российская газета* 29.5.2017
- Ермолаева, Надежда. 2017. «Русский гонят из школ». *Российская газета* 9.6.2017
- Забродина, Екатерина. 2012. «Восстание неграждан». *Российская газета* 24.8.2012
- Кантор, Юлия. 2007. «Третья гражданская война Эстонии». *Российская газета* 28.6.2007
- Ковалева, Диана. 2017. «Лишили языка». *Российская газета* 10.8.2017
- Кронгауз, Максим. 2011. «О пользе и вреде сбора подписей». *Известия* 9.12.2011 (МНЕНИЕ)
- Лару, Дмитрий. 2017. «Русскому языку в Латвии хотят придать особый статус». *Известия* 2.6.2017
- Лару, Дмитрий. 2017. «Борьба за язык доведет до ООН». *Известия* 16.8.2017
- Лару, Дмитрий и Халитова, Анна. 2017. «В Латвии не видят русскоязычное меньшинство». *Известия* 29.8.2017
- Лару, Дмитрий и Гринблат, Диана. 2017. «В расчете на забвение». *Известия* 17.11.2017
- Лихоманов, Петр. 2017. «Чехов попутал». *Российская газета* 9.3.2017
- Мацарский, Юрий. 2012. «Латвийского преподавателя увольняют за русский язык». *Известия* 11.7.2012
- Мишулин, Николай. 2006. «Чтобы соотечественники не остались людьми второго сорта». *Российская газета* 10.3.2006
- Мяги, Илзе. 2004. «Русский могут сделать вторым государственным языком в Эстонии». *Известия (Москва)* 1.4.2004
- Новоселова, Елена. 2007. «Учить нельзя забыть». *Российская газета* 7.9.2007
- Новоселова, Елена. 2011. «Языковой барьер пытаются преодолеть учителя-русисты из СНГ, Балтии и Болгарии». *Российская газета* 20.9.2011
- Новоселова, Елена. 2013. «Остановить «пельмэна!»» *Российская газета* 18.9.2013
- Новоселова, Елена. 2014. «Сказки про майдан вместо Пушкина». *Российская газета* 19.9.2014
- Новоселова, Елена. 2016. «Свободных мест нет». *Российская газета* 3.11.2016

- Федякина, Анна. 2014. «Рига испугалась языка». *Российская газета* 14.7.2014
- Фокина, Ксения. 2008. «Почему Таллин боится всего русского?». *Известия (Москва)* 3.7.2008
- Худенко, Кристина. 2011. «Русская атака в Риге». *Известия* 1.12.2011
- Худенко, Кристина. 2011. «Латвия оттянула русский язык до 18 февраля». *Известия* 26.12.2011
- Швыдкой, Михаил. 2013. «Предлагаемые обстоятельства». *Российская газета* 9.10.2013
- Шестаков, Евгений. 2007. «О границе на русском – только в «РГ»». *Российская газета* 19.12.2007
- Шестернина, Елена. 2004. «Президент Латвии заступилась за русские школы». *Известия* 29.1.2004
- Шестернина, Елена. 2004. «Спор вокруг реформы образования в Латвии может привести к этническому конфликту. «Школы – нас Сталинград»». *Известия* 4.3.2004
- Шестернина, Елена. 2006. «Молчать по-русски, депутаты!». *Известия* 21.9.2006
- Юферова, Ядвига. 2013. «Спецоперация или реформа». *Российская газета* 4.10.2013
- Яковлева, Елена. 2012. «Нелегкая война памяти». *Российская газета* 21.2.2012

Вторичные источники

- Алпатов, В. М. 2000. *150 языков и политика. 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства*. Москва: Крафт+, Институт востоковедения РАН.
- Алпатов, В. М. 2013. Языковая политика в современном мире. *НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ. № 5 – Филология*. 8-28.
- Вахтин, Н. Б. & Головкин Е. В. 2004. *Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие*. Санкт-Петербург: ИЦ «Гуманитарная академия».
- Замятин, Константин & Пасанен, Анника & Саарикиви, Янне. 2012. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки: ROGA – The Language Survival Network. Конференция «Двухязычное образование: теория и практика» (Хельсинки, Финляндия, 26–28 апреля 2011 г.) под эгидой МАПРЯЛ (Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы).
- Aro, Jari. 1999. *Sosiologia ja kielenkäyttö: Retoriikka, narratiivi, metafora*. Akateeminen väitöskirja. Tampereen yliopisto: Tampere.

- Baločkaitė, Rasa. 2013. On Ideology, Language, and Identity: Language Politics in the Soviet and Post-Soviet Lithuania. *Language Policy* (2014) 13: 41-61. Springer Science+Business Media: Dordrecht.
- Billig, Michael. 1987. *Arguing and thinking. A rhetorical approach to social psychology*. Cambridge University Press: Cambridge.
- Billig, Michael. 1991. *Ideology and Opinions. Studies in Rhetorical Psychology*. SAGE Publications: Worcester.
- Dietrich, Ayşe. 2011. *Soviet and Post-Soviet Language Policies in the Central Asian Republics and the status of Russian*. International Congress of Asian and North African Studies. 465-480.
- Gilbert, Nigel & Mulkay, Michael. 1984. *Opening Pandora's Box: A Sociological Analysis of Scientists' Discourse*. Cambridge University Press: Cambridge.
- Hogan-Brun, Gabrielle & Ozolins, Uldis & Ramonienė, Meilutė & Rannut, Mart. 2009. *Language Politics and Practices in the Baltic States*. Tallinn University Press: Tallinn.
- Hyvärinen, Matti. 1994. *Viimeiset taistot*. Akateeminen väitöskirja. Tampereen yliopisto: Tampere.
- Jakobson, Valeria. 2002. *Role of the Estonian Russian-language Media in the Integration of the Russian-speaking Minority into Estonian Society*. Academic dissertation. University of Tampere: Tampere.
- Jokinen, Arja & Juhila, Kirsi & Suoninen, Eero. 1999. *Diskurssianalyysi liikkeessä*. Vastapaino: Tampere.
- Jokinen, Arja & Juhila, Kirsi & Suoninen, Eero. 2016. *Diskurssianalyysi: Teoriat, peruskäsitteet ja käyttö*. Vastapaino: Tampere.
- Laponce, Jean. 1987. *Languages and their Territories*. University of Toronto: Toronto – Buffalo – London.
- Marten, Heiko F. et al. 2015. *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union. Comparative Studies on Equality and Diversity*. Springer International Publishing: Switzerland.
- Perelman, Chaïm. 2007. *Retoriikan valtakunta*. Vastapaino: Tampere.
- Potter, Jonathan. 1996. *Representing Reality. Discourse, Rhetoric and Social Construction*. SAGE Publications: London.
- Ricento, Thomas. 2006. Language Policy: Theory and Practice – An Introduction. *Introduction to Language Policy: Theory and Method*. Blackwell Publishing: Malden, Massachusetts, 10-23.

- Riegl, Martin & Tomáš Vaško. 2007. Comparison of Language Policies in the Post-Soviet Union Countries on the European Continent. *Annual of Language and Politics and Politics of Identity* May 2007. 47-78.
- Rubio-Marín, Ruth. 2003. Language rights: Exploring the competing rationales. *Language Rights and Political Theory*. Oxford University Press: Oxford. 52-79.
- Schiffman, Harold. 2006. Language Policy and Linguistic Culture. *Introduction to Language Policy: Theory and Method*. Blackwell Publishing: Malden, Massachusetts, 111-126.
- Schmid, Carol et al. 2004. Language Policy and Ethnic Tensions in Quebec and Latvia. *International Journal of Comparative Sociology* Vol 54 (3-4): 231-252. SAGE Publications.
- Siiner, Maarja. 2006. Planning Language Practice: A Sociolinguistic Analysis of Language Policy in Post-communist Estonia. *Language Policy* (2006) 5: 161-186. Springer Netherlands.
- Skutnabb-Kangas, Tove et al. 1995. *Linguistic Human Rights: overcoming linguistic discrimination*. Mouton de Gruyter: Berlin.
- Skutnabb-Kangas, Tove. 2006. Language Policy and Linguistic Human Rights. *Introduction to Language Policy: Theory and Method*. Blackwell Publishing: Malden, Massachusetts, 273-291.
- Summa, Hilikka. 1996. Kolme näkökulmaa uuteen retoriikkaan. Burke, Perelman, Toulmin ja retoriikan kunnianpalautus. *Pelkkää retoriikkaa. Tutkimuksen ja politiikan retoriikat*. Vastapaino: Tampere. 51-84.
- Tollefson, James W. 2006. Critical Theory in Language Policy. *Introduction to Language Policy: Theory and Method*. Blackwell Publishing: Malden, Massachusetts, 42-59.